

МОРИС

МЕТЕРЛИНК

**ЖИЗНЬ ПЧЕЛ
РАЗУМ ЦВЕТОВ**

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Морис Метерлинк

Жизнь пчел. Разум цветов

«Издательство АСТ»

1901, 1907

УДК 821.133.1(493)

ББК 84(4Бел)

Метерлинк М.

Жизнь пчел. Разум цветов / М. Метерлинк — «Издательство АСТ», 1901, 1907 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-148327-2

Философские эссе Метерлинка «Жизнь пчел» и «Разум цветов» — весьма необычные произведения, в которых тончайшие и по-настоящему своеобразные наблюдения за жизнью насекомых и растений служат основой для размышлений о социальном развитии человечества, становлении человеческой души, попытке человеческой личности найти свое место в окружающем мире и в современном обществе, не отказываясь от уникальности своего «я» и осознавая неразрывную связь человека и природы. Природы, в которой ему надлежит почерпнуть высшую мудрость. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1(493)

ББК 84(4Бел)

ISBN 978-5-17-148327-2

© Метерлинк М., 1901, 1907
© Издательство АСТ, 1901, 1907

Содержание

Жизнь пчел	6
Часть I	7
Часть II	15
Часть III	36
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Морис Метерлинк

Жизнь пчел

Разум цветов

Серия «Эксклюзивная классика»

Maurice Maeterlinck

LA VIE DES ABEILLES

L'INTELLIGENCE DES FLEURS

Перевод с французского Л. Вилькиной, Н. Минского

Серийное оформление А. Фереца, Е. Фerez

Компьютерный дизайн В. Воронина

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Жизнь пчел

философское эссе

Часть I На пороге улья

I

Я не намерен писать трактата по пчеловодству или руководства по уходу за пчелами. Все цивилизованные страны уже владеют превосходными руководствами, которые было бы бесполезно переделывать: Франция – Дадана, Жоржа де Лайенса и Бонне, Бертрана, Гаме, Вебера, Кемана, аббата Коллена и т. д.; страны, говорящие на английском языке, имеют руководства Лангстрота, Бивана, Кука, Чешайра, Кована, Рута и их учеников. Германия имеет Дзиерзона, Ван-Берлепша, Поллмана, Фогеля и многих других.

Но моя книга не будет также ни научной монографией об *apis mellifica, ligustica, fasciata* и т. д., ни сборником новых наблюдений или исследований. Я не скажу почти ничего, что не было бы известно всем, хоть сколько-нибудь имевшим дело с пчелами. Чтобы не загромождать слишком этого труда, я оставил до другой, предназначенной уже для специалистов, работы целый ряд опытов и наблюдений, сделанных мною в течение двадцати лет занятий пчеловодством, – наблюдений, слишком специальных и потому имеющих слишком ограниченный интерес. Я просто хочу говорить о «белокурых пчелах» Ронсара, как говорят о предмете, который знают и который любят, тем, кто его совсем не знает. Я не имею в виду ни подкрашивать истину, ни быть в числе тех занимавшихся пчелами лиц, которых справедливо упрекал Реомюр в замене действительно чудесного нравившимся им чудесным-фантастическим. В улье много чудесного, но это не основание для преувеличений. Кроме того, я уже давно отказался искать в этом мире более интересное и более прекрасное чудо, чем истина или чем усилие человека ее постигнуть. Не будем тратить сил на поиски за величию жизни в неведомом. Вещи, самые обычные, полны величия, и мы до сих пор не исследовали основательно ни одной из них. Я буду говорить поэтому только о фактах, или проверенных мною лично, или таких, проверка которых являлась излишнею, ввиду их полной установленности в апидологии. Моя задача ограничивается тем, чтобы представить факты столь же научно, но в более живой форме, связать их с некоторыми более глубокими и более свободными о них размышлениями и придать им очертания более гармоничные, чем то возможно сделать в руководстве, в практическом учебнике или научной монографии. Кто прочтет эту книгу, тот не будет в состоянии руководить ульем, но он узнает приблизительно все, что известно об его обитателях достоверного, любопытного, интимного и глубокого. Но все это, конечно, ничто в сравнении с тем, что еще останется ему изучить. Я обойду молчанием все традиционные заблуждения, которые еще до сих пор составляют легенду улья в деревнях и во многих сочинениях. Когда явится сомнение, разногласие, гипотеза, когда я столкнусь с неизвестным – я честно сознаюсь в этом. Вы увидите, что нам часто придется останавливаться перед неизвестным. Кроме крупных и значительных актов внутреннего управления и деятельности легендарных дочерей Аристея¹, о них не известно ничего вполне достоверного. По мере того как улучшается культивирование пчел, все больше приходится убеждаться в незнании подлинных глубин их существования; но такое незнание уже само по себе лучше бессознательного и самодовольного невежества, которое составляет основу нашей науки о жизни. Да, по всей вероятности, этим и ограничивается все, на что человек может надеяться узнать в этом мире.

¹ Аристей, сын Аполлона, по мифическому преданию, научил людей пчеловодству. – *Примеч. пер.*

Существует ли еще труд о пчелах, подобный настоящему? Что касается меня, то я не знаю ничего в этом роде, – хотя думаю, что я прочел приблизительно все, что о них писалось, – кроме главы, посвященной этому предмету Мишлэ в конце его книги «L’Insecte», и этюда на ту же тему знаменитого автора «Силы и материи» Людвига Бюхнера, в его книге «Geistesleben der Thiere»². Мишлэ едва коснулся этого предмета, а что касается Бюхнера, то его этюд довольно полон, но, прочитавши рискованные утверждения, легендарные факты, ссылки на давным-давно отброшенные источники, я подозреваю, что он никогда не выходил из своей библиотеки, дабы спросить непосредственно своих героинь, никогда не открывал ни одного из тех сотен шумных, как пламенем охваченных крыльями, ульев, в которые необходимо проникнуть, прежде чем наш инстинкт приспособится к их тайне, прежде чем удастся напитаться атмосферой, ароматом, духом и таинствами трудолюбивых девственниц. В книге Бюхнера нет аромата меда и духа пчел; она страдает тем же недостатком, как и многие наши ученые книги, в которых выводы часто предвзяты и научное построение которых есть не что иное, как огромное нагромождение недостоверных анекдотов, взятых где попало. Но мне редко придется встречаться с ним в своем труде, потому что наши отправные пункты, наши точки зрения и наши цели совершенно различны.

II

Библиография пчел – одна из наиболее обширных (мы начнем с книг, чтобы скорее от них отделаться и направиться к самому источнику этих книг). Это маленькое странное существо, живущее обществом, управляемое сложными законами и совершающее во мраке удивительные работы, привлекало к себе с незапамятных времен внимание человека. Аристотель, Катон, Варрон, Плиний, Колумелла, Паладиус занимались пчелами, не говоря уже о философе Аристомaxe, который, по словам Плиния, наблюдал их в течение пятидесяти восьми лет, и о Филиске из Тазоса, который жил в пустынных местах, чтобы не видеть никого, кроме пчел, и был прозван «Диким». Но именно у них-то и находится легенда о пчелах и все, что оттуда можно извлечь, то есть нечто, почти равное нулю, изложено вкратце в четвертой песне «Георгик» Вергилия.

История пчелы начинается только в XVII веке с открытиями великого голландского ученого Шваммердама. Однако необходимо прибавить и еще одну малоизвестную подробность, а именно: еще до Шваммердама фламандский натуралист Клутиус высказал несколько важных по этому поводу истин и между прочим, что царица является единственной матерью всего ее народа и что она обладает атрибутами обоих полов; но он этого не доказал. Шваммердам изобрел истинные методы научного наблюдения, создал микроскоп, придумал сохраняющие инъекции, первый анатомировал пчелу, установил открытием яичников и яйцевода окончательно пол царицы, которую до тех пор считали царем, и пролил неожиданным лучом свет на все внутренние отношения улья как основанные на материнстве. Наконец, он сделал разрезы и дал рисунки, настолько совершенные, что они еще и теперь служат иллюстрацией для многих трактатов по пчеловодству. Он жил в шумном и беспокойном Амстердаме, сожалел о «мирной деревенской жизни», и умер в сорок три года, изнуренный трудом. Он сообщил свои наблюдения в большом труде «Wybel der Natuure», написанном в благочестивом и точном стиле. В этой книге прекрасные и простые порывы веры, которая боится быть поколебленной, относят все к славе Создателя; столетием позже она была переведена доктором Бергавом с нидерландского языка на латинский под заглавием «Biblia Naturae» (Лейден, 1737 г.).

² Можно было бы еще указать на монографию Кирби и Спенса в их «Introduction to Entomology», но она почти исключительно технического характера.

Затем следует Реомюр, который, оставаясь верным тем же методам, сделал в своих шарантонских садах множество любопытных опытов и наблюдений над пчелами и отвел им целый том своих «*Mémoires pour servir à l'histoire des insectes*». Его можно прочесть с пользой и без скуки. Изложение книги ясно, положительно, искренно и не лишено известной прелести, хотя немного грубоватой и немного сухой. Он особенно стремился разрушить большое количество древних заблуждений, распространил несколько новых, отчасти разъяснил образование роя, политический режим цариц – одним словом, нашел несколько трудных истин и навел на след многих других. Своими исследованиями он особенно утвердил чудеса архитектуры улья, и все, что он об этом говорит, никем не было сказано лучше. Ему также обязаны идеей стеклянных ульев, которые потом, будучи еще более усовершенствованы, обнажили всю скрытую жизнь этих ретивых работниц, начинающих свое дело в ослепительном сиянии солнца и завершающих его только во тьме. Я должен был бы для полноты предмета назвать еще изыскания и работы более поздних исследователей – Шарля Бонне и Шираха (который разрешил загадку царского яйца), но я ограничусь только главным и укажу на Франсуа Губера, учителя и классика науки о пчелах наших дней.

Губер, родившийся в Женеве в 1750 г., ослеп еще в ранней молодости. Заинтересованный сначала опытами Реомюра, которые он хотел проверить, он скоро пристрастился к этим исследованиям и, с помощью разумного и преданного слуги, Франсуа Бюрненса, посвятил всю свою жизнь изучению пчелы. В летописях человеческих страданий и побед нет ничего более трогательного и более поучительного, чем история этого терпеливого сотрудничества, где один, видевший только духовный свет, руководил умом, руками и глазами другого, наслаждавшегося светом реальным; где человек, никогда, как уверяют, не видевший собственными глазами медового сота, тем не менее провидел сквозь пелену своих мертвых очей, – удваивавшую ту пелену, которою природа окутывает все существующее, – самые глубокие тайны гения, созидавшего этот невидимый исследователем медовый сот; все это совершалось как бы для того, чтобы показать нам, что нет такого положения, при котором мы должны отказаться от надежды обрести истину. Я не буду перечислять, чем обязана наука о пчелах Губеру, я скорее мог бы указать, чем она ему не обязана. Его «*Nouvelles observations sur les abeilles*» («Новые наблюдения над пчелами») остались обильным и верным сокровищем, из которого черпают многое все исследователи пчел; первый том этого сочинения был написан в 1789 г. в форме писем к Шарлю Бонне, а второй появился только двадцать лет спустя. Правда, там встречается несколько ошибок, несколько несовершенных истин; со времени его книги было много прибавлено в микрографии, в практической культуре пчел, в способах обращения с царицами и т. д., но ни одно из его главных наблюдений не было опровергнуто или признано неверным: они остаются неприкосновенными в наших современных опытах и составляют их основу.

III

После открытий Губера идет несколько лет молчания; но скоро Дзиерзон, священник в Карлсмарке (в Силезии), открывает партеногенезис, то есть девственное деторождение цариц, и изобретает первый улей с подвижными сотами, благодаря которым пчеловод мог отныне брать свою долю сбора, не предавая смерти свои лучшие колонии и не уничтожая в одно мгновение работу целого года. Этот улей, еще очень несовершенный, был чрезвычайно усовершенствован Лангстротом, который изобрел собственно подвижные рамы, с необыкновенным успехом распространенные в Америке. Рут, Куинби, Дадан, Чешайр, де Лайенс, Кован, Геддон, Говард и др. вносят в это изобретение еще несколько драгоценных улучшений. Чтобы избавить пчел от выработки воска и постройки магазинов, на что им приходится тратить много меду и самое лучшее время, Меринг придумал давать пчелам механически приготовленные восковые соты, которые немедленно принимаются пчелами и приспособляются к их нуждам. Грушка

изобретает «smelatore», который применением центробежной силы позволяет извлекать мед, не разбивая сот, и т. д. В несколько лет рутинная пчеловодства разрушена; продуктивность и плодовитость улья утроены; везде устраиваются обширные и производительные пчельники. С этой минуты прекращаются бесполезные избиения самых трудолюбивых поселений и безобразный обратный подбор, являвшийся следствием таких избиений. Человек действительно становится господином пчел, господином тайным и неведомым, который всем управляет, не давая приказов, и держит все в повиновении, оставаясь неузнанным. Он вводит свою волю туда, где раньше все находилось в зависимости от сезона; он исправляет недочеты всего года; он соединяет враждебные республики; он уравнивает богатства; он увеличивает или сокращает число рождений; он регулирует плодовитость царицы; он ее свергает с трона и замещает другою, вырывая ловкостью трудно дающееся на это согласие народа, который возмущается при одном подозрении о непонятном вмешательстве. Найдя это нужным, он мирно нарушает тайну священных покоев и всей хитрой и предусмотрительной политики царского гинекея. Он по пять-шесть раз подряд отбирает плоды трудов этих сестер доброй неутомимой обители, не нанося им вреда, не отнимая у них мужества и не доводя их до разорения. Он соразмеряет склады и житницы их жилищ с жатвою цветов, рассыпанных весною в ее торопливом движении по склонам холмов. Он заставляет их сократить пышный штат возлюбленных, ожидающих рождения принцесс. Одним словом, он делает с ними, что хочет, и получает от них то, что требует, с тем, однако, условием, чтобы его требование подчинялось их свойствам и их законам, потому что поверх воли этого неожиданного бога, который завладел ими, поверх этой воли, – слишком обширной, чтобы быть замеченной, и слишком чуждой, чтобы быть понятой, – пчелы видят дальше, чем видит сам этот бог, и в своем непоколебимом самоотречении они думают только о выполнении таинственного долга их расы.

IV

Теперь, когда книги уже сказали нам все, что они имели сказать нам существенного относительно весьма древней истории пчел, оставим науку, приобретенную другими, и взглянем на пчел нашими собственными глазами. Один час, проведенный среди пчельника, покажет нам вещи, может быть, менее точные, но бесконечно более живые и плодотворные.

Я еще не забыл первый пчельник, который я видел и по которому научился любить пчел. Это было уже много лет тому назад в простой деревушке зеландской Фландрии, – опрятной и грациозной Фландрии, которая, еще больше, чем сама Зеландия, этот рефлектор Голландии, сконцентрировала в себе вкус к ярким цветам и ласкает глаз своими, подобными красивым и серьезным игрушкам, башнями и остроконечными крышами, своими ярко раскрашенными тележками, своими блестящими в глубине коридоров шкафами и стенными часами, своими маленькими, вытянувшимися вдоль набережных и каналов, как будто в ожидании наивной и благодетельной церемонии, деревьями, своими с разукрашенной кормой барками и лодками, своими дверьми и своими окнами, подобными цветам, своими безукоризненными шлюзами, своими миниатюрными и разноцветными подъемными мостами, своими отполированными, как изящная и сверкающая утварь, домиками, откуда выходят, украшенные золотом и серебром и похожие на колокольчики, женщины, отправляющиеся доить коров в окруженные белыми оградами луга или растягивать белье на ковре из вырезанных овалами и ромбами нежно-зеленых и усеянных цветами лужаек.

Там укрылся старый мудрец, довольно похожий на старца Вергилия.

Равный царям человек и подобный богам,
И подобно последним, спокойно довольный,

сказал бы Лафонтен; он скрылся туда, где жизнь казалась бы более узка, чем в других местах, если бы действительно было возможно сузить жизнь. Там он устроил себе убежище не потому, что получил отвращение к жизни – мудрый не знает такого сильного отвращения, – а потому, что немного устал вопрошать людей, отвечающих менее просто, чем животные и растения, на единственные интересные вопросы, которые можно поставить природе и действительным законам. Все его счастье, как и у скифского философа, заключалось в красотах сада, и между этими красотами наиболее любимой и чаще всего посещаемой был пчельник, состоявший из двенадцати соломенных ульев в виде колокола, раскрашенных им – одни в ярко-розовый, другие в светло-желтый, а большинство – в нежно-голубой цвета, потому что он заметил, гораздо раньше опытов сэра Джона Леббока, что голубой цвет наиболее любим пчелами. Он устроил этот пчельник у выбеленной стены дома, в углу, образованном кухней, – аппетитной и свежей голландской кухней с фаянсовыми полками, где сверкает оловянная и медная посуда, отражающаяся через открытую дверь в спокойном канале. А полная безыскусственных образов вода направляла под завесою из тополей взгляд, который успокаивался на горизонте картиною лугов и мельниц.

В этом месте, как и везде, где помещаются ульи, они придавали новое значение цветам, тишине, мягкости воздуха, солнечным лучам. Там в некотором роде постигался праздник лета. Там можно было отдохнуть на сверкающем перекрестке, где сходились и откуда расходились воздушные пути, по которым с утренней зари и до сумерек носятся, хлопотливые и звучные, все ароматы деревни. Там можно было услышать счастливую и видимую душу, разумный и мелодичный голос, очаг веселья прекрасной поры сада. Там, в этой школе у пчел, мы узнаем заботы всемогущей природы, светлые отношения трех ее царств, неиссякаемое образование жизни, нравственность пылкого и бескорыстного труда, и – что так же хорошо, как и нравственность труда, – там героические работницы научают ценить немного смутную сладость досуга, подчеркивая, так сказать, огненными чертами своих тысяч маленьких крыльев почти невыразимую усладу этих непорочных дней, вращающихся вокруг себя в пространстве, не принося с собою ничего, кроме прозрачного, лишнего частичных очертаний, круга, подобно слишком чистому счастью.

V

Для того чтобы проследить как можно проще историю целого года жизни улья, мы возьмем один просыпающийся весной и принимающийся за работу улей. И мы увидим, как перед нами развернутся в своем естественном порядке великие эпизоды жизни пчел, а именно: образование и отлет роя, основание нового поселения, рождение, битвы и брачный полет молодых цариц, избиение трутней и возвращение к зимней спячке. Каждый из этих эпизодов сам собой принесет необходимые разъяснения относительно законов, особенностей, привычек, событий, которые его вызывают или сопровождают, так что в течение короткого пчелиного года, деятельность которого ни в каком случае не простирается больше, как с апреля до конца сентября, – мы встретимся со всеми тайнами медвяного дома. В данную же минуту, прежде чем открыть улей и бросить туда общий взгляд, достаточно сказать, что он состоит из царицы, матери всего народа, из тысячи работниц, несовершенных и бесплодных самок, и, наконец, из нескольких сотен трутней, из среды которых будет избран единственный и несчастный супруг будущей государыни, избранной работницами после более или менее добровольного удаления царствующей матери.

VI

Открывая в первый раз улей, вы испытываете некоторое волнение; оно подобно тому, какое пришлось бы испытать при насильственном проникновении в неведомую, быть может, полную страшных неожиданностей, область, например в могилу. Вокруг пчел сложилась грозящая опасностями легенда. Тут же приходит на память нервическое воспоминание об их укулах, производящих ту особенную боль, которую не знаешь с чем и сравнить; можно бы сказать – жгучую сухость, что-то вроде пламени пустыни, разлившегося в пораженном месте; как будто наши дочери солнца извлекли из раздраженных лучей своего отца воспламеняющийся яд, дабы лучше защищать сокровища сладости, собранные ими в их благодетельные часы.

Правда, если улей откроет, без соблюдения предосторожности, человек, не знающий и не уважающий характера и нравов его обитателей, то этот улей в одно мгновение обратится в пылающий куст гнева и героизма. Но нет ничего легче, как приобрести маленькую ловкость, необходимую для безнаказанного обращения с ульем. Достаточно немного дыма, пущенного кстати, большого количества хладнокровия и мягкости – и хорошо вооруженные работницы позволяют себя грабить, не думая выпускать жала. Они не признают своего повелителя, не боятся человека, но запах дыма и медленные жесты рук,двигающихся в их жилище, не угрожая им, заставляют их вообразить, что это не нападение и не сильный враг, против которого возможно защищаться, а что-то вроде силы или катастрофы природы, которой надлежит подчиниться. Вместо того чтобы бесполезно бороться, полные предвидения, которое их обманывает, потому что они смотрят слишком далеко, пчелы хотя, по крайней мере, спасти будущее и бросаются на запасы меда, чтобы там почерпнуть и спрятать в самих себе материал для немедленного основания где придется нового города, если старый будет разрушен и предстанет необходимость его покинуть.

VII

Профан, перед которым открывают наблюдательный улей³, сначала бывает довольно разочарован. Его уверяли, что этот стеклянный ящик заключает в себе беспримерную деятельность, бесконечное число мудрых законов, удивительную массу гениальности, тайн, опыта, расчета, науки, различных искусств, предусмотрительности, уверенности, разумных привычек, странных чувств и добродетелей. И он не находит там ничего, кроме неопределенной кучи маленьких рыжеватых ягод, довольно похожих на зерна жареного кофе или на сухой виноград, скученный около стекол. Эти бедные ягоды больше мертвы, чем живы; они сотрясаются медленными, бессвязными, непонятными движениями. Он не узнает в них очаровательных капель света, которые только что без усталости погружались и подымались в оживленном дыхании тысяч распустившихся чашечек, полных жемчуга и золота.

Они дрожат во тьме. Они задыхаются в окоченевшей толпе, как будто больные пленницы или свергнутые королевы, которые имели одно мгновение блеска среди сверкающих цветов сада, а потом сейчас же возвратились к постыдной нищете их угрюмого загроможденного жилища.

Но здесь происходит то же, что и со всякою глубокою действительностью. Нужно научиться ее наблюдать. Обитатель какой-нибудь планеты, который увидел бы, как люди почти

³ Наблюдательным ульем называют улей со стеклянной стенкой, снабженной черными занавесками или ставнями. Самые лучшие имеют только один сот, что позволяет наблюдать его с двух сторон. Можно без опасности и без неудобств устанавливать эти ульи, снабженные выходом наружу, в салоне, библиотеке и т. д. Пчелы, живущие в улье, устроенном в моем рабочем кабинете в Париже, находят в каменистой пустыне большого города чем жить и процветать.

незаметно движутся взад и вперед по улицам, собираются в кучу вокруг некоторых зданий или на некоторых площадях, ждут неизвестно чего, без видимого основания, в глубине своих жилищ, – этот обитатель сделал бы из всего замеченного также заключение, что люди инертны и жалки. Только мало-помалу можно распознавать многосложную деятельность в этой инертности.

Действительно, всякое из этих маленьких зерен, почти неподвижных, работает безостановочно и занимается особым ремеслом. Ни одна из пчел не знает отдыха, и те, например, которые выглядят совсем спящими и висят у стекол мертвыми гроздьями, выполняют наиболее таинственную и утомительную задачу: они вырабатывают и выделяют воск. Но мы еще скоро вернемся к частностям этой единодушной деятельности. В данную минуту достаточно обратить внимание на существенную черту природы пчел, которая объясняет необыкновенное скупивание во время их темной работы. Пчела прежде всего и еще больше, чем муравей, – существо общественное. Она не может жить иначе, как в обществе других. Когда пчела выходит из улья, где так тесно, что она головой должна пробивать себе путь через живые стены, которые ее окружают, она выходит из своей собственной стихии. Она на мгновение погружается в пространство, полное цветов, как пловец ныряет в океан, полный жемчуга; но под угрозой смерти необходимо, чтобы она через правильные промежутки возвращалась подышать толпой, точно так же, как пловец возвращается подышать воздухом. Находясь в одиночестве, пчела погибает через несколько дней, именно от этого одиночества. Тут не помогут ни обильная пища, ни самая благоприятная для ее жизни температура. Многочисленное скопление, улей выделяют для нее невидимую пищу, столь же необходимую, как и мед. К этой потребности нужно обратиться, чтобы выяснить дух законов улья. В улье индивид – ничто, он имеет только условное существование, он – только безразличный момент, окрыленный орган рода. Вся его жизнь – это полная жертва существу бесчисленному и непрерывно возобновляющемуся, часть которого он составляет. Любопытно установить, что не всегда было так. Еще до настоящего времени среди медоносных перепончатокрылых встречаются все стадии прогрессивной цивилизации нашей домашней пчелы. Внизу лестницы она работает в одиночку, в нищете; часто она даже не видит своего потомства (*Prosopis*, *Colletes* и т. д.), иногда живет среди тесной семьи, созданной ею в течение года (шмели), затем образует временные ассоциации (*Panurgues*, *Dasypodes*, *Halictes* и т. д.) и, наконец, переходя со ступени на ступень, доходит до почти совершенного, но безжалостного к индивиду, общества наших ульев, где индивид совершенно поглощается республикой и где республика, в свою очередь, постоянно приносится в жертву абстрактному и бессмертному обществу будущего.

VIII

Не станем торопиться делать на основании этих фактов заключения, применимые к человеку. Человек имеет способность не подчиняться законам природы; и вопрос о том, – прав он или нет, пользуясь этой способностью, является одним из наиболее серьезных и наименее выясненных пунктов его нравственного бытия. Но от этого не становится менее интересным уловить волю природы в ином, отличающемся от нашего, мире; по-видимому, эта воля обнаруживается вполне определенно в эволюции перепончатокрылых, которые после человека являются среди обитателей земного шара существами, наиболее одаренными интеллектом. Природа, видимо, стремится к улучшению рода, но она в то же время показывает, что не желает этого или не может этого достигнуть иначе, как в ущерб личной свободе, правам и счастью индивида. По мере того как общество организуется и развивается, частная жизнь каждого из его членов суживается. Везде, где замечается прогресс, он является результатом все более и более полного принесения личного интереса в жертву общему. Сначала нужно, чтобы каждый отказался от пороков, которые являются актами независимости. Так, на предпоследней сту-

пени пчелиной цивилизации находятся шмели, которые еще похожи на наших антропофагов. Взрослые работницы постоянно бродят вокруг яиц, чтобы их пожирать, и матка вынуждена защищать их с ожесточением. Затем необходимо, чтобы каждый, отделившись от самых опасных пороков, приобрел известное число добродетелей, все более и более тягостных. Работницы шмелей, например, и не думают отказываться от любви, между тем как наша домашняя пчела живет в постоянном целомудрии. Мы, впрочем, скоро увидим все личные блага, от которых она отказывается ради благосостояния, безопасности, архитектурного, экономического и политического совершенства улья, и мы возвратимся к удивительной эволюции перепончатокрылых в главе, посвященной прогрессу рода.

Часть II Рой

I

Итак, пчелы выбранного нами улья стряхнули с себя зимнее оцепенение. Царица снова принялась класть яйца с первых дней февраля. Работницы посетили анемоны, медуницы, золототысячники, фиалки, ивы, орешники... Потом весна овладела землею; амбары и погребка переполнены медом и цветочной пылью. Тысячи пчел рождаются каждый день. Толстые и тяжелые трутни выходят из своих обширных ячеек и бегают по сотам; перенаселение слишком благоденствующего улья становится столь значительным, что вечером сотни запоздавших работниц, возвращаясь от цветов, не находят больше, где поместиться, и вынуждены проводить ночь у порога, где холод опустошает их ряды.

Всем народом овладевает беспокойство, и старая царица испытывает волнение. Она чувствует, что готовится новый жребий. Она религиозно выполнила свой долг доброй создательницы, и теперь из выполненного долга выходят печаль и несчастье. Ее покою угрожает непобедимая сила; скоро придется покинуть город, где она царствует. А между тем этот город – ее творение, это она сама вся целиком. Она его царица не в том смысле, как это понимаем мы, люди. Она там не дает никаких приказаний, а является в улье подчиненной, наряду с последним из ее подданных, той скрытой обладающей верховною мудростью силе, которую мы в ожидании того времени, когда сумеем проникнуть в нее глубже, называем «духом улья». Но она – мать улья и его единственный орган любви. Она его основала в неизвестности и бедности. Она его беспрерывно населяла собственной плотью, и все, кто его оживляет, – работницы, трутни, личинки, куколки, молодые принцессы, будущее рождение которых должно ускорить ее отбытие и одна из которых уже наследует ей в бессмертной мысли рода, – все они вышли из ее недр.

II

«Дух улья»? Где он, в ком он воплощается? Он не похож на собственный инстинкт птицы, которая умеет искусно строить свое гнездо и находить другие небеса, когда наступает день перелета. Он не является тем более особой машинальной привычкой рода, которая слепо стремится только к жизни и всюду наталкивается на случайности, как только непредвиденное обстоятельство расстраивает ряд обычных явлений. Наоборот, этот дух следует шаг за шагом за всемогущими обстоятельствами, подобно разумному и ловкому рабу, который умеет извлечь пользу из самых опасных повелений своего господина.

Он располагает безжалостно, но благоразумно, – будто подчиненный какому-то великому долгу, – богатствами, счастьем, свободой, жизнью всего крылатого племени. Он день за днем регулирует число рождений и ставит его в точное соотношение с количеством цветов, украшающих луга. Он возвещает царице ее падение или необходимость ее удаления, заставляет ее производить на свет своих соперниц, воспитывает последних по-царски, защищает их против политической ненависти их матерей, позволяет или запрещает – смотря по изобилию разноцветных венчиков, более или менее поздней поре весны, вероятным опасностям брачного полета, – чтобы перворожденная из девственных принцесс убила в их колыбелях своих молодых сестер, которые поют царскую песнь. В другой раз, когда сезон становится поздним, когда часы благоденствия менее долги, он, – чтобы завершить эпоху переворотов и ускорить возобновление работы, – приказывает самим работницам предать смерти все царское потомство.

Этот дух осторожен и бережлив, но не скуп. Он, по-видимому, знает законы природы, роскошные и немного безрассудные во всем, что касается любви. Поэтому в течение летних дней изобилия он терпит, – ввиду того, что среди них выберет будущая царица своего возлюбленного, – стеснительное присутствие трех или четырех сот трутней, легкомысленных, неловких, бесполезно суетливых, требовательных, совершенно и постыдно праздных, шумных, обжорливых, грубых, нечистоплотных, ненасытных, огромных. Но как только царица оплодотворена, а цветы открываются позже и закрываются раньше, – он в одно прекрасное утро равнодушно издает повеление о всеобщем и одновременном их избиении.

Он регулирует работы каждой из работниц. Смотря по их возрасту, он распределяет обязанности кормилицам, которые ухаживают за личинками и куколками, статс-дамам, пекущимся, не спуская с нее глаз, о царице, вентиляторшам, которые движением своих крыльев проветривают, освежают или согревают улей и ускоряют испарение меда, слишком насыщенного водою; архитекторам, каменщикам, работницам, выделяющим воск скульпторам, которые образуют цепь и строят соты, сборщицам, отправляющимся в поля собирать нектар цветов, который обратится в мед, цветочную пыль, составляющую пищу личинок и куколок, пчелиную смазку, служащую для законопачивания и укрепления построек города, воду и соль, необходимые молодому поколению нации. Он указывает задачу химикам, которые обеспечивают сохранение меда, впуская туда с помощью жала капельку муравьиной кислоты; работницам, которые заделывают крышечки ячеек, когда содержимое в них сокровище уже зрело; подметальщицам, поддерживающим безукоризненную чистоту улиц и общественных площадей; могильщикам, уносящим прочь трупы; амазонкам охранного отряда, который бодрствует день и ночь для безопасности у входа, опрашивая входящих и выходящих, узнавая в первый раз выходящую молодежь, спугивая бродяг, праздничношатающихся и грабителей, изгоняя незаконно вторгнувшихся; нападают всю массу на грозных врагов и, если нужно, баррикадируют вход.

Наконец, «дух улья» устанавливает час великой жертвы, приносимой ежегодно гению рода – я говорю о роении, – когда целый народ, достигший вершины своего благосостояния и могущества, вдруг оставляет в жертву будущему поколению все свои богатства, свои дворцы, свои жилища и плоды своих трудов, чтобы отправиться вдаль на поиски за неизвестным и необеспеченным новым отечеством. Вот акт, который, сознателен ли он или нет, превосходит человеческую мораль. Он иногда разоряет и всегда делает беднее, рассеивает счастливый город, повинувшись закону, стоящему выше счастья улья. Где слагается этот, как мы скоро увидим, вопреки мнению других, далеко не фатальный и не слепой, закон? Где, в каком собрании, в каком свете, в какой общественной сфере пребывает этот дух, которому все подчиняются и который в свою очередь подчиняется героическому долгу и разуму, всегда обращенному к будущему?

Здесь с нашими пчелами происходит то же, что и с большинством вещей этого мира; мы наблюдаем несколько их привычек и говорим: они делают то-то, работают так-то, их царицы рождаются таким-то образом, их работницы остаются девственными, они роятся в такое-то время. Мы думаем, что знаем их, и не спрашиваем больше. Мы видим, как они спешат от цветка к цветку; мы наблюдаем трепетную суету улья; их существование кажется нам очень простым и ограниченным, подобно другим существованиям, инстинктивными заботами о пище и размножении. Но стоит только взглянуть ближе и постараться дать себе отчет, как пред нами – ужасающая сложность самых естественных явлений, загадка разума, воли, судеб, целей, средств и причин, непостижимая организация малейшего акта жизни.

III

Итак, в нашем улье готовится роение, эта великая жертва требовательным богам расы. Повинувшись требованиям «духа», который кажется нам малодоступным объяснению,

ввиду того что он прямо противоположен всем инстинктам и всем чувствам нашего рода, – шестьдесят или семьдесят тысяч пчел из восьмидесяти или девяноста тысяч общего населения должны оставить в указанный час материнский город. Они не оставят его в минуты тоски; они не убегут под влиянием внезапного решения, подсказанного страхом; не покинут отечество, опустошенное голодом, войной или болезнью. Нет, удаление долго обдумывалось, и благоприятный для того час терпеливо ожидался. Если улей беден, претерпел несчастья в царской семье, суровые непогоды, разграбление – тогда пчелы его и совсем не покидают. Они оставляют улей только в апогее его счастья, когда, после неутомимого весеннего труда, огромный восковой дворец в сто двадцать тысяч расположенных правильными рядами ячеек переполнен новым медом и служащей для питания личинок и куколок радужной мукой, называемой «пчелиным хлебом».

Никогда улей не бывает прекраснее, чем накануне героического отречения. Это для него несравненный час, оживленный, несколько лихорадочный и тем не менее ясный – час изобилия и торжественного веселья. Попробуем представить себе его не так, как его видят пчелы, потому что мы не можем вообразить, каким магическим образом отражаются явления в шести или семи тысячах гранях их боковых глаз и в тройном циклопическом глазу на лбу, – но представим себе этот час таким, каким бы мы его увидели, если бы были ростом с пчелу.

С высоты купола, более колоссального, чем купол Св. Петра в Риме, отвесно спускаются до полу многочисленные параллельные и гигантские восковые стены – геометрическая постройка, висящая во мраке и пустоте, которую по точности, пропорциональности частей, смелости и огромности нельзя приравнять ни к одной человеческой постройке.

Каждая из этих, еще совершенно свежих стен, состоит из девственного, серебристого, незапятнанного, ароматного вещества и образована из тысячи ячеек, наполненных пищею, достаточною для пропитания всего народа в течение нескольких недель. Здесь находятся яркие, красные, желтые, бурые и черные пятна – это цветочная пыль, – фермент любви всех цветов весны, собранный в прозрачных ячейках. Вокруг, в виде длинных и пышных золотых драпировок с жесткими неподвижными складками, расположен апрельский мед, самый прозрачный и ароматный, в своих двадцати тысячах резервуаров, замкнутых печатью, которая может быть взломана только в дни величайшей нужды. Выше находится майский мед; он созревает еще в своих широко открытых резервуарах, по краям которых целые бдительные отряды поддерживают непрерывный приток воздуха. В центре, вдали от света, который проникает алмазной струей через единственное отверстие, в самой жаркой части улья дремлет и пробуждается будущее. Это царская область яичных ячеек, предназначенная для царицы и ее свиты: около десяти тысяч помещений, где покоятся яички; пятнадцать или шестнадцать тысяч комнат, занятых личинками; сорок тысяч домиков, населенных белыми куколками, за которыми ухаживают тысячи кормилиц⁴. Наконец, во святая святых этого священного пространства находятся три, четыре, шесть или двенадцать замкнутых палат, сравнительно очень обширных, где юные принцессы, воспитываемые во тьме, ожидают своего часа, неподвижные и бледные, окруженные подобием савана.

IV

И в день, предписанный «духом улья», точно определенный, согласно неизменным и точным законам, часть народа уступает место этим надеждам, еще не имеющим формы. В уснувшем городе оставляют трутней, между которыми будет избран царский возлюбленный, очень молодых пчел, которые ухаживают за выводком, и несколько тысяч работниц, которые будут продолжать летать вдаль за добычей, хранить накопленные сокровища и поддерживать нрав-

⁴ Цифры, которые мы даем здесь, строго точны. Это цифры большого улья в полном расцвете.

ственные традиции улья, ибо всякий улей имеет свою особую нравственность. Встречаются ульи очень добродетельные и очень развращенные, и неосторожный пчеловод может испортить какое-нибудь племя, заставить его потерять уважение к чужой собственности, подстрекнуть его к грабежу, дать ему привычки к завоеваниям и праздности, которые сделают его страшным для всех маленьких окрестных республик. Для этого достаточно, чтобы пчела имела случай испытать, что труд вдалеке, среди луговых цветов, которые нужно посетить сотнями, чтобы выработать одну каплю меда, составляет не единственное и не самое быстрое средство обогащения и что легче забраться тайком в плохо охраняемые города или силою в такие, где население слишком слабо для оказания сопротивления. Тогда пчела очень скоро теряет чувство долга, того ослепительного, но безжалостного долга, который делает из нее крылатую рабу венчиков в брачной гармонии природы, и пчеловоду часто бывает трудно возвратиться к добру такой развращенный улей.

V

Все указывает на то, что роение решается не царицей, а «духом улья». С этой царицей бывает то же, что с предводителями среди людей: они имеют такой вид, будто повелевают, но сами они повинуются предписаниям, более повелительным и более необъяснимым, чем те, которые они дают своим подчиненным. Когда этот дух установил должный момент, он уже, конечно, дал знать о своем решении с самой зари, может быть, накануне или даже за день до того, потому что, едва только солнце высушит первые капли росы, как уже вокруг жужжащего города замечается необычайное волнение, в значении которого пчеловод редко ошибается. Иногда даже можно было бы сказать, что замечается борьба, колебание, отступление. Случается и на самом деле, что это золотистое и прозрачное смятение подымается и успокаивается без видимых причин, в продолжение нескольких дней подряд. Образуется ли в это мгновение туча, невидимая для нас, но видимая для пчел, или в их разуме возникает сожаление? Обсуждается ли в шумном совете необходимость отлета? Об этом мы ничего не знаем, так же, как мы не знаем, каким образом «дух улья» сообщает свое решение толпе. Если достоверно, что пчелы сообщаются между собою, то неизвестно, делают ли они это подобно людям. Это ароматное жужжание меда, это полное неги трепетание прекрасных летних дней, которое является одним из наиболее сладостных удовольствий пчеловода, эта праздничная песнь труда, которая подымается и опускается вокруг улья и которая кажется радостным ропотом распустившихся цветов, гимном их счастья, отзвуком их нежных ароматов, голосом белых гвоздик, тмина, душицы, – всего этого пчелы, быть может, не слышат. Тем не менее у них есть целая гамма звуков, которые мы сами различаем и которые переходят от глубокого блаженства до угрозы, гнева, отчаяния; у них есть ода царице, песни изобилия, псалмы печали; у них есть, наконец, долгий и таинственный боевой клич юных принцесс, раздающийся в битвах и избиваниях, которые предшествуют брачному полету. Случайная ли это музыка, которая не нарушает их внутреннего покоя? Во всяком случае, их не трогает шум, который мы производим вокруг улья; но, может быть, они думают, что такого рода шум не их мира и не имеет для них никакого интереса. Есть вероятность, что мы, с другой стороны, слышим только незначительную часть из того, что они говорят и что они издают множеством созвучий, которых наши органы не способны воспринять. Мы увидим дальше, что они, во всяком случае, умеют понимать друг друга и сговариваться с быстротой, иногда положительно чудесной, и когда, например, страшный грабитель меда, огромный Sphinx Atropos, эта зловещая бабочка, имеющая на спине изображение мертвой головы, проникнет в улей, при звуках каких-то, свойственных ему, непреодолимых заклинаний, – новость об этом передается от одной пчелы к другой, от стражей у входа до последних работниц, которые работают далеко, на самых удаленных сотах, – и весь народ содрогается.

VI

Долго думали, что, покидая сокровища своего царства, чтобы ринуться, таким образом, в неизвестную жизнь, эти мудрые работницы, такие бережливые, воздержанные и обыкновенно такие предусмотрительные, – повинуются какому-то роковому безумию, какому-то невольному побуждению, закону рода, повелению природы, той силе, которая для всех существ сокрыта в бесконечном течении времени.

Касается ли дело пчелы, или нас самих, мы называем роковым все, чего мы еще не понимаем. Но в настоящее время улей выдал две или три из своих существенных тайн; теперь установлено, что этот «исход» не инстинктивен и не неминуем. Это не слепое переселение, но жертва, которая, по-видимому, обдумана, – жертва настоящего поколения будущему. Достаточно, чтобы пчеловод умертвил в их ячейках молодых, еще неподвижных цариц и чтобы в то же время, если личинки и куколки многочисленны, он увеличил склады и дортуары нации, и немедленно вся бесплодная сумятица успокаивается, пчелы опускаются, точно золотые капли послушного дождя, и их обычный труд направляется на цветы; а старая царица, чувствуя себя необходимой, не надеясь на наследниц или не опасаясь больше их, успокоенная относительно будущего возрождающейся деятельности, отказывается увидеть в этом году солнечный свет. Она мирно возобновляет во мраке свою материнскую задачу, которая заключается в том, чтобы класть яйца, следуя по методической спирали от одной ячейки к другой, не пропуская ни одной, никогда не останавливаясь и выпуская от двух до трех тысяч яиц каждый день.

Что фатального в любви современной расы к расе будущего? Эта фатальность существует также в человеческом роде, но ее могущество и ее объем в нем меньше. Она никогда не приносит там столь великих и столь всеобщих и единокружных жертв. Какому предусмотрительному фатуму повинемся мы, который соответствовал бы фатуму пчел? Мы этого не знаем, как не имеем понятия и о существе, стоящем по отношению к нам в той же роли наблюдателя, в какой стоим мы по отношению к пчелам.

VII

Но положим, что человек не вмешивается совсем в ход истории того улья, который мы избрали. Тогда еще совсем влажный зной прекрасного, подвигающегося спокойными шагами и уже сверкающего под деревьями утра торопит час отлета. Повсюду, то есть сверху донизу золотистых коридоров, которые разделяют параллельные стены улья, работницы оканчивают приготовления к путешествию. Прежде всего каждая из них нагружается запасом меда, достаточным на пять или на шесть дней. Из этого уносимого ими меда они извлекут каким-то еще недостаточно выясненным химическим процессом мед, необходимый, чтобы немедленно начать постройку зданий. Кроме того, они запасаются некоторым количеством пчелиной смазки, которая похожа на резину и предназначена для замазывания щелей нового жилья, для укрепления всего, что колеблется, для полировки всех стенок и совершенного удаления света, потому что они любят работать в почти полной тьме, где они движутся с помощью своих граненых глаз или, может быть, своих щупальцев, которые, как предполагают, одарены неизвестным чувством, способным осязать и измерять тьму.

VIII

Пчелы умеют, следовательно, предвидеть случайности самого опасного дня их существования. Сегодня, в самом деле, они совершенно отделились заботам и неожиданностям, может

быть, страшным, которые повлечет за собой великий акт; у них не будет времени посетить сады и луга, а завтра, послезавтра возможно, что случится ветер, дождь, что их крылья окоченеют и что цветы совсем не раскроются. Без их предусмотрительности это повлекло бы за собою голод и смерть. Никто не придет к ним на помощь, и они никого не станут молить о ней. Они не знают никого из других ульев и никогда не помогают одна другой. Случается даже, что пчеловод устанавливает улей, в который он собрал старую царицу с окружающим ее роем, совсем сбоку только что покинутого ими жилища. И что же – какая бы злая судьба их ни постигла, они как будто бесповоротно позабыли мир, трудолюбивое благополучие, огромное богатство и безопасность их старого жилища и все до одной, до последней, скорее умрут от холода и голода вокруг своей несчастной владычицы, чем войдут снова в родной дом, из которого до них в их нужде доносится дух изобилия, то есть не что иное, как аромат их прошлого труда.

IX

Вот, скажут, чего не сделали бы люди, вот – один из тех фактов, которые доказывают, что, несмотря на чудеса пчелиной организации, там нет ни разумности, ни истинной сознательности. Что знаем мы об этом? Не говоря о том, весьма допустимом предположении, что у других существ имеется и разум другой природы, действующий совсем иначе, чем у нас, не будучи в то же время ниже нашего, – не говоря об этом, разве мы, даже не выходя из нашей маленькой человеческой области, являемся такими тонкими судьями в вопросах разума? Достаточно нам увидеть двух-трехдвигающихся по улице и разговаривающих между собою людей и не слышать в то же время их речи – и нам уже очень трудно угадать, какая мысль руководит ими. Думаете ли вы, что обитатель Марса или Венеры, который наблюдал бы с высоты, как на улицах и общественных площадях наших городов копошатся черные точки, какими мы являемся в пространстве, – сумел бы при виде наших движений, наших зданий, наших каналов, наших машин составить себе точное понятие о нашем разуме, нашей нравственности, нашей манере любить, думать, надеяться, одним словом, о нашей внутренней, действительной сущности? Он ограничился бы констатированием нескольких достаточно удивительных фактов, как мы делаем относительно улья, и, вероятно, извлек бы из них заключения, столь же недостоверные и ошибочные, как и наши.

Во всяком случае, ему было бы очень трудно открыть в «наших маленьких черных точках» великое нравственное направление и прекрасное чувство единокровия, которые прорываются в улье. «Куда они идут? – спрашивал бы себя этот наблюдатель, после того как он наблюдал нас целые годы или века, – что они делают? где средоточие и цель их жизни? повинуются ли они какому-нибудь богу? Я не вижу ничего, что направляло бы их шаги. Один день кажется, что они создают и накапливают какие-то ничтожные вещи, а на другой день они их разрушают и рассеивают. Они уходят и возвращаются, они собираются и расходятся, но неизвестно, чего они хотят. Они представляют массу необъяснимых зрелищ. Так, например, между ними есть такие, которые не обнаруживают, так сказать, никаких движений. Их можно узнать по их более блестящей масти; часто они также более объемисты, чем другие. Они занимают жилища в десять, двадцать раз более обширные, более замысловато устроенные и более богатые, чем обыкновенные жилища. Они каждый день совершают там пиршества, которые длятся целые часы и затягиваются иногда далеко за полночь. Все, к ним приближающиеся, по-видимому, чтят их; разносчики съестных припасов приходят из соседних домов и даже из далеких деревень, чтобы делать им подарки. Нужно думать, что они необходимы и оказывают роду существенные услуги, хотя наши способы исследования еще не позволили нам с точностью определить природу этих услуг. Есть еще и другие, которые, наоборот, не перестают мучительно метаться в больших клетках, загроможденных вертящимися колесами, в темных убежищах, вокруг грузов, на маленьких квадратах земли, которую они роют с утренней зари и до захода

солнца. Все заставляет предполагать, что их лихорадочная деятельность является результатом наложенного на них наказания. Действительно, их помещают в тесных лачугах, разоренных и грязных. Они покрыты каким-то бесцветным веществом. А их рвение к их вредоносной или, по крайней мере, бесполезной деятельности так велико, что они едва дают себе время поспать или поесть. Отношение их числа к количеству первых равно – тысяча к одному. Замечательно, что этот род мог поддерживаться до наших дней в условиях, столь неблагоприятных его развитию. Однако следует прибавить, что, кроме такого характерного упорства в их мучительной деятельности, они имеют кроткий и безобидный вид и довольствуются остатками тех, которые, очевидно, являются хранителями, а быть может, и спасителями расы».

X

Что же удивительного, что улей, который мы так смутно видим с высоты другого мира, не дает нам с первого же в него брошенного взгляда ясного и глубокого ответа? Не достойно ли восхищения уже то, что его полные совершенства здания, его обычаи, его законы, его экономическая и политическая организации, его добродетели и даже его жестокости немедленно показывают нам идею или бога, которому пчелы служат, и притом бога, который не является ни наименее законным, ни наименее разумным из всех постигаемых, хотя он, может быть, единственный, кому мы еще серьезно не поклонялись, – я говорю об идее «будущего»? В нашей человеческой истории мы иногда ищем, чем измерить силу и нравственную величину какого-нибудь народа или расы, и не находим другой мерки, кроме стойкости и широты идеала, к которому они стремятся, и самоотречения, с которым они приносят себя в жертву этому началу. Часто ли мы встречали идеал более согласный с желаниями вселенной, более твердый, более величественный, более бескорыстный, более явный, и часто ли мы встречали самоотверженность более полную и более героическую?

XI

Странная маленькая республика! Она так логична, так серьезна, так положительна, так щепетильна и так бережлива, а между тем она является жертвой такой широкой и такой непрочной мечты! Маленькое решительное и глубокое племя, питающееся теплотой, светом и всем тем, что есть наиболее чистого в природе, душой цветов, то есть самой явной улыбкой материи и самым трогательным стремлением этой материи к счастью и красоте, – кто нам скажет, какие ты разрешило из задач, которые нам еще предстоит разрешить? какие ты уже приобрело достоверные знания, которые нам еще предстоит приобрести? И если верно, что ты разрешило эти задачи, приобрело эти знания не с помощью разума, а в силу какого-то первичного и слепого импульса, то является вопрос – не наталкиваешь ли ты нас на еще более неразрешимую загадку? Маленькая обитель, полная веры, надежд, тайн, почему твои сто тысяч девственниц принимают на себя задачу, которой никогда не принимал ни один человеческий раб? Если бы они немного больше щадили свои силы, немного меньше забывали о самих себе, были немного менее пылки в труде – они увидели бы другую весну и другое лето; но в то прекрасное мгновение, когда их зовут цветы, они кажутся пораженными смертельным опьянением труда, и с разбитыми крыльями, с истощенным и покрытым ранами телом погибают все в какие-нибудь пять недель.

«Tantus amor florum, et generandi gloria mellis», – восклицает Вергилий, который передал нам в четвертой книге «Георгик», посвященной пчелам, очаровательные заблуждения древних, наблюдавших природу глазами, еще совершенно ослепленными присутствием воображаемых богов.

ХII

Почему они отрекаются от сна, от сладости меда, от любви и чудных досугов, которые знает, например, их крылатый брат – мотылек? Разве они не могли бы жить подобно ему? Но их теснит не голод. Им для насыщения достаточно двух-трех цветков, а они за час побывают на двух или трех сотнях, чтобы собрать сокровище сладости, которого они не вкусят. К чему столько труда, откуда такая уверенность? Вы, значит, уверены, что поколение, для которого вы умираете, заслуживает подобных жертв, что оно будет прекраснее и счастливее, что оно совершит нечто, чего вы не могли бы сделать? Мы видим вашу цель – она так же ясна, как и наша: вы хотите жить в вашем потомстве так же долго, как сама земля; но в чем же цель этой великой цели и миссия этого вечно возобновляемого существования?

Но не мы ли это терзаемся в колебаниях и заблуждениях, не мы ли пустые мечтатели, ставящие вам бесполезные вопросы? Вы могли бы путем постоянной эволюции достигнуть всемогущества и совершенного счастья, вы могли бы достигнуть последних высот, откуда вы господствовали бы над законами природы, вы могли бы стать, наконец, бессмертными богинями, а мы все продолжали бы вас вопрошать, все еще спрашивали бы вас: на что вы надеетесь, куда вы стремитесь, где вы думаете остановиться? И мы продолжали бы думать, что у вас нет желаний. Мы так устроены, что нас ничто не удовлетворяет, что ничто нам не кажется имеющим цель в самом себе, что ничто для нас не является просто существующим, без задней мысли. Могли ли мы до настоящего дня вообразить хоть одного из наших богов, от самого грубого до самого разумного, не заставивши его немедленно волноваться, не вынудивши его создать целую массу существ и вещей, искать тысячу целей вне его самого? И примиримся ли мы когда-нибудь с тем, чтобы спокойно представлять собою в течение некоторого времени интересную форму деятельности материи, а потом снова возвращаться, без сожалений и без удивления, к другой форме – бессознательной, неизвестной, бесчувственной, вечной?

ХIII

Но не надо забывать нашего улья, где рой теряет терпение, – нашего улья, который кипит и уже выпускает черные вибрирующие волны, подобные звучному сосуду под жгучим солнцем. Полдень. Можно сказать, что среди царящего зноя деревья сдерживают все свои листья, подобно тому, как сдерживается дыхание в присутствии чего-нибудь очень сладостного, но очень серьезного. Пчелы дают заботящемуся о них человеку мед и ароматный воск, но – и это стоит, может быть, еще больше, чем мед и воск, – они привлекают его внимание на ликование июня, дают ему почувствовать гармонию прекрасных дней, напоминают, что все события, в которые они вмешиваются, связаны с ясным небом, с праздником цветов, с наиболее счастливыми часами года. Они – душа лета, часы, указывающие мгновения изобилия, быстрые крылья поднимающихся ароматов, разум парящих лучей, ропот трепещущих сияний, песнь покоящейся атмосферы, и их полет – видимый знак, обнаруженный мелодичный звук маленьких бесчисленных радостей, которые рождаются от теплоты и живут в свете. Они заставляют понять самый сокровенный голос прекрасных мгновений природы. Кто их знал, кто их любил, тому лето без пчел покажется таким же жалким, таким же несовершенным, как если бы оно было без птиц и без цветов.

XIV

Тот, кто впервые присутствует при таком оглушающем и беспорядочном событии, каким является роение хорошо населенного улья, бывает им сильно смущен и приближается к нему со страхом. Он не узнает больше серьезных и мирных пчел трудолюбивых часов. Несколько мгновений раньше он видел, как они прилетали со всех концов деревенского простора, озабоченные, как маленькие буржуазные хозяйки, которых ничто не отвлечет от их хозяйственных занятий. Они возвращались почти незамеченными; утомленные, запыхавшиеся, торопливо и волнуясь, они встречали лишь приветствие в виде легкого знака щупальцев юных амазонок у входа. Самое большее, если они обменивались тремя или четырьмя словами, вероятно неизбежными, сдавая второпях свой сбор меда одной из молодых носильщиц, которые всегда находятся во внутреннем дворе завода; или же они отправлялись, чтобы сложить самим в обширных амбарах, окружающих ячейки выводка, две тяжелые корзины цветочной пыли, прицепленные к их бедрам, и затем немедленно возвращались снова, не беспокоясь о том, что происходит в мастерских, в дортуаре куколок или в царском дворце, не вмешиваясь ни на минуту в говор и шум публичной площади, лежащей у входа и заполненной во время большого зноя болтовнею вентиляторш, которые, по живописному выражению французских пчеловодов, «font la barbe».

XV

Но теперь все изменилось. Правда, некоторое число работниц мирно, как будто ничего не должно произойти, отправляются в луга, возвращаются оттуда, чистят улей, поднимаются в комнаты, где выводятся яйца, не поддаваясь общему опьянению. Это те, которые не будут сопровождать царицу, а останутся в старом жилище, чтобы его охранять, беречь и кормить оставляемых здесь девять или десять тысяч яиц, восемнадцать тысяч личинок, тридцать шесть тысяч куколок и семь или восемь принцесс. Они были избраны для этих суровых обязанностей, неизвестно, ни в силу каких правил, ни кем, ни каким образом. Они остаются верными своим обязанностям спокойно и непреклонно, и хотя я много раз повторял опыт, посыпая красящим веществом некоторых из этих безропотных «сандрильон», которых довольно легко узнать по их серьезным, немного тяжелым манерам среди празднично настроенного народа, — очень редко случалось, чтобы я находил хоть одну из них в опьяненной толпе роя.

XVI

Между тем очарование этого дня, кажется, непреодолимо. Это исступление жертвы, быть может бессознательной, требуемой богом; это праздник меда, победа расы и будущего, это единственный день радости, забвения и безумия, это единственное воскресенье пчел. Думают, что это также единственный день, когда они едят досыта и вполне узнают сладость сокровища, которое они собирают. Они имеют вид пленниц, внезапно освобожденных и перенесенных в страну изобилия и отдохновения. Они ликуют, они больше не владеют собой. Они, которые никогда не производят неточного или бесполезного движения, входят и выходят, суетятся, снова входят, чтобы возбудить своих сестер посмотреть, готова ли царица, заглушить свое нетерпение. Они летают гораздо выше, чем обыкновенно, и колеблют листья всех деревьев вокруг улья. У них больше нет ни опасений, ни забот. В них нет больше дикости, мелочности, подозрительности, раздражительности, задора, неукротимости. Человеку, неведомому господину, которого они никогда не узнают, не удастся их поработить иначе, как соображаясь со

всеми привычками их труда, уважая все их законы и следуя шаг за шагом по колее, выбитой в их жизни разумом, всегда направленным ко благу будущего и никогда не смущающимся и не отклоняющимся от своей цели. Теперь этот человек может к ним приблизиться, разорвать золотистую и теплую завесу, которую образуют вокруг него их звенящие вихри; он может брать их в руки, собирать подобно кисти плодов – они так же кротки, так же безобидны, как рой стрекоз или бабочек; и в этот день, счастливые, ничем больше не владеющие, с верою в будущее, если их не отделят от царицы, носительницы этого будущего, – они подчиняются всему и не ранят никого.

XVII

Но настоящий сигнал еще не дан. В улье происходят невообразимое смятение и беспорядок, причины которых невозможно открыть. В обыкновенное время пчелы, вернувшись в улей, забывают, что у них есть крылья, и каждая держится почти неподвижно, но не бездельно, на сотах, на том месте, которое ей предназначено по роду ее работы. Теперь, обезумевшие, они движутся сомкнутыми кругами сверху донизу вертикальных стенок, как волнуемое тесто, движимое невидимой рукой. Внутренняя температура улья быстро повышается, иногда до такой степени, что воск построек размягчается и деформируется. Царица, которая обыкновенно никогда не покидает центральных сот, пробегает взволнованная, задыхающаяся по поверхности разгоряченной, все время движущейся толпы. Делается ли это для того, чтобы ускорить отлет, или замедлить его? Приказывает ли она, или, наоборот, умоляет? Распространяет ли она это поразительное волнение, или сама ему поддается? Кажется довольно очевидным, судя по тому, что нам известно из общей психологии пчелы, что роение всегда совершается против воли старой царицы. В сущности, в глазах аскетических работниц, дочерей царицы, последняя является органом любви, необходимым и священным, но немного бессознательным и часто легкомысленным. И они обращаются с ней как с матерью, опекаемой детьми. Но они относятся к ней с героическим и безграничным уважением и нежностью. Для нее оставляется самый чистый мед, специально дистиллированный и усвояемый почти полностью организмом. У нее есть свита телохранителей или ликторов, по выражению Плиния, которые бодрствуют над ней день и ночь, облегчают ее материнский труд, приготавливают ячейки, куда она должна класть яйца, лелеют ее, ласкают, кормят, чистят, даже поглощают ее отбросы. При малейшей происшедшей с нею случайности эта новость распространяется от одной пчелы к другой, и весь народ суетится и сокрушается. Если ее похитить из улья, и при этом пчелы не могут надеяться заместить ее, потому ли, что она не оставила предназначенной наследницы, или потому, что не имеется рабочей личинки моложе трех дней (так как всякая рабочая личинка моложе трех дней может, благодаря особому питанию, быть превращенной в царскую куколку; это – великий демократический принцип улья, который уравнивает прерогативы материнского предназначения), если при таких условиях схватить царицу, заключить ее и отнести далеко от ее улья, то, как только будет констатирована ее гибель, для чего иногда требуется два или три часа, прежде чем это станет известно всем, – так велик город, – работа прекращается почти повсюду. Малюток покидают, часть населения бродит где попало в поисках за маткою, другая выходит из улья искать ее, гирлянды работниц, занятых постройкой сотов, разрываются и расстраиваются, сборщицы не посещают больше цветов, стража у входа дезертирует со своего поста, посторонние грабительницы и все паразиты улья, постоянно подстерегающие добычу, свободно входят и выходят, не встречая и тени протеста ради защиты с таким трудом накопленных сокровищ. Мало-помалу обитель беднеет и население редее, ее потерявшие мужество обитательницы скоро умирают от грусти и нужды, хотя все цветы лета раскрывают перед ними свои чашечки.

Но если им возратить их верховную мать, прежде чем ее гибель станет свершившимся и непоправимым фактом, прежде чем деморализация улья проникнет слишком глубоко (пчелы – как люди: несчастье и слишком продолжительное отчаяние затемняют их разум и портят их нравы), если возратить царицу в улей через несколько часов, то ей будет сделана необыкновенная и трогательная встреча. Все теснятся вокруг нее, собираются толпой, ползут одна на другую, ласкают ее мимоходом своими длинными щупальцами, которые заключают в себе столько еще не объясненных органов, предлагают ей меду и шумно сопровождают ее до царских покоев. Порядок тотчас же восстанавливается, работа возобновляется от центральных сот с выводками до самых отдаленных пристроек, где сложены избытки сбора; сборщицы выходят черными рядами и возвращаются иногда меньше, чем через три минуты, уже нагруженные нектаром цветов и их пылью; грабители и паразиты изгоняются или избиваются, улицы выметены, и в улье тихо и монотонно звучит эта особенная и счастливая песнь, которая является задушевною песнью, связанною с присутствием царицы.

XVIII

Известны тысячи примеров привязанности и абсолютной преданности работниц их царице. Во всех катастрофах маленькой республики – падение улья или сотов, жестокость или невежество человека, холод, голод и даже болезнь, – если народ погибает в массе, царица почти всегда бывает спасена, и ее находят живую под трупами ее верных дочерей. Ее все защищают, облегчают ей бегство, делают ей из своих тел оплот и убежище; сохраняют для нее самую здоровую пищу и последние капли меду. И до тех пор, пока она жива, как бы ни было велико бедствие, отчаяние не овладевает обителью «девственниц, пьющих росу». Разбейте двадцать раз подряд их соты, отнимите у них двадцать раз их детей и их припасы – вы не заставите их сомневаться в будущем; их голодные, опустошенные ряды, доведенные до маленького отряда, которому едва удастся скрыть их мать от глаз врага, реорганизуют распорядок колоний, принимают самые быстрые меры, снова распределяют между собою работу, согласно ненормальным нуждам этой несчастной эпохи, и немедленно опять принимаются за труд с таким терпением, жаром, разумением, стойкостью, которые не часто встречаются в столь высокой степени в природе, хотя большинство существ выказывают больше мужества и уверенности, чем человек.

Чтобы устранить упадок духа и поддержать в них любовь, не нужно даже присутствия царицы – достаточно, если она в час своей смерти или своего ухода оставила хоть самую хрупкую надежду на потомство. «Мы видели, – говорит достопочтенный Лангстрот, один из отцов современного пчеловодства, – мы видели колонию, в которой не было достаточно пчел, чтобы покрыть сот в десять квадратных сантиметров, пробовавшую воспитать царицу. В течение целых двух недель они сохраняли надежду; наконец, когда число их было доведено до половины, их царица родилась, но ее крылья были так несовершенны, что она не могла летать. И хотя она была калеккой, ее пчелы обращались с ней с не меньшим уважением. Неделю спустя оставалось не больше дюжины пчел; наконец, несколько дней спустя, царица исчезла, оставивши на сотах неутешных несчастных».

XIX

Вот, между прочим, одно обстоятельство, вызванное неслыханными испытаниями, которым подвергает наше современное тираническое вмешательство этих несчастных, но непоколебимых героинь, – обстоятельство, где удастся проследить самые глубокие проявления дочерней любви и самоотвержения. Мне не раз приходилось, подобно всем любителям пчел, выписывать из Италии оплодотворенных цариц, потому что итальянская раса лучше, сильнее, плодовитее, деятельнее и более кротка, чем наша. Эта пересылка производится в маленьких

ящиках с просверленными дырками. Туда кладут немного припасов и заключают царицу в обществе нескольких работниц, выбранных, по возможности, между самыми старыми (возраст пчел узнается довольно легко по их более гладкому туловищу, тощему, почти голому, и особенно по их крыльям, изношенным и изодранным в работе) для того, чтобы кормить царицу, заботиться о ней, беречь ее во время путешествия. Очень часто по прибытии большая часть работниц оказывается погибшей. Один раз даже все умерли от голода; но и в этот раз, как в другие, царица была невредима и здорова, а последняя из ее спутниц, вероятно, погибла, предлагая своей владычице, которая являлась для нее символом жизни, более драгоценной и обширной, чем ее собственная, последнюю каплю меда, имевшуюся у нее в запасе в глубине ее зоба.

XX

Человек, заметив постоянство этой привязанности, сумел употребить в свою пользу вытекающие из нее или заключенные в ней необыкновенное политическое чутье, рвение в труде, настойчивость, великодушие, страсть к будущему. Благодаря этой привязанности человеку удалось за последние годы до некоторой степени приручить, без их ведома, диких амазонок, потому что они не уступают никакой чуждой силе, и в своем бессознательном рабстве они все-таки служат только своим собственным поработавшим их законам. Человек может быть уверенным, что, управляя царицей, он держит в руках душу и судьбы улья. Смотри по тому, как он ею пользуется, как он ею, так сказать, играет, он может, например, вызвать, умножить, помешать или ограничить роение; он соединяет или разделяет колонии, направляет эмиграцию государств. Тем не менее верно, что царица, в сущности, является только живым символом, который, как все символы, представляет собою принцип менее видимый и более обширный, с которым пчеловоду полезно считаться, если он не хочет подвергаться неоднократным неудачам. В конце концов, пчелы в этом нисколько не обманываются и не теряют из виду своей истинной и неизменной нематериальной властительницы – своей преобладающей идеи, которую они проводят сквозь свою видимую, эфемерную царицу. Сознательна ли эта идея или нет, важно лишь постольку, поскольку мы хотим, в частности, дивиться пчелам, обладающим этой идеей, или природе, вложившей ее в них. Где бы эта идея ни заключалась – в этих маленьких, таких щедушных телах или в великом неведомом теле, – она достойна нашего внимания. И, говоря мимоходом, если бы мы остереглись подчинять наше внимание стольким условиям места и времени, мы бы не теряли так часто случая открывать наши глаза с удивлением, – а нет ничего благотворнее, как открывать их таким образом.

XXI

Можно возразить, что все это – очень рискованные и слишком человеческие догадки; что пчелы, вероятно, не имеют ни одной из подобных идей; что понятия будущего, любви к расе и столько других, которые мы им приписываем, суть не что иное, как формы, принимаемые для них жизненными потребностями, страхом страдания и смерти и привлекательностью наслаждения. Соглашаюсь – все это, если угодно, только так говорится, – поэтому я и не придаю сказанному большой важности. Единственная достоверная здесь вещь, – как она единственно достоверная вещь и во всем остальном, доступном нашему знанию, – это констатирование факта, что при таких-то и таких-то условиях пчелы ведут себя по отношению к своей царице таким-то и таким-то образом. Остальное – тайна, относительно которой можно только делать догадки, более или менее приятные, более или менее остроумные. Но если бы мы говорили о людях так, как было бы, может быть, благоразумно говорить о пчелах, – имели ли бы мы право сказать о них много больше? И мы тоже повинемся только нуждам, влечению к

наслаждению или ужасу перед страданием, и то, что мы называем нашим разумом, имеет то же происхождение и ту же миссию, как и то, что мы называем инстинктом у животных. Мы совершаем известные акты и думаем, что нам известны их действия; мы подвергаемся другим актам и льстим себя надеждою, что мы проникаем в их причины лучше, чем это делают пчелы; но, кроме того, что это предположение не основано ни на чем непоколебимом, – эти акты ничтожны и редки, сравнительно с огромной массой других, и все – наиболее известные и самые неведомые, самые мелкие и самые грандиозные, ближайшие и самые удаленные – совершаются в глубоком мраке, среди которого возможно, что мы приблизительно так же слепы, как мы то предполагаем относительно пчел.

XXII

«Нужно согласиться, – говорит где-то Бюффон, который относится к пчелам с довольно забавным озлоблением, – нужно согласиться, что, если взять этих насекомых в одиночку, то у каждого из них окажется меньше дарований, чем у собаки, обезьяны и большинства животных; нужно согласиться, что пчелы менее послушны, менее привязаны, менее чувствительны, одним словом – у них меньше таких качеств, сравнительно с нашими; но в таком случае нужно согласиться, что их кажущаяся разумность происходит из их соединенного множества; между тем само это соединение не предполагает никакой разумности, потому что они соединяются совсем не из нравственных соображений, и они находятся вместе без их согласия. Значит, это общество есть не что иное, как физическое соединение, требуемое природой и независимое от какого бы то ни было сознания, какого бы то ни было рассуждения. Пчела-матка производит десять тысяч индивидов, всех сразу и в одном и том же месте; эти десять тысяч индивидов, если бы они даже были в тысячу раз бессмысленнее, чем я предполагаю, будут вынуждены, для того лишь, чтобы продолжать существовать, каким-нибудь образом устроиться; так как все они действуют одинаково и с равными силами, то, если бы они даже начали друг другу вредить, в силу этого самого они скоро пришли бы к тому, что стали бы вредить друг другу наивозможно меньше, то есть помогли бы друг другу; они имели бы, значит, вид, будто понимают один другого и стремятся к одной цели; скоро наблюдатель начнет им приписывать разные намерения и весь недостающий им разум; он захочет объяснить каждое их действие; каждое их движение скоро будет иметь свой мотив, и отсюда произойдут чудеса или чудовища рассуждений без числа; ибо эти десять тысяч индивидов, которые были произведены зараз, которые жили вместе, которые все метаморфозировались приблизительно в одно время, – все они не могут не делать то же самое и, если они хоть сколько-нибудь чувствительны, приобретают общие привычки, устраиваются, чувствуют себя хорошо вместе, занимаются своим жилищем, удалившись, снова возвращаются и т. д., а отсюда – архитектура, геометрия, порядок, предусмотрительность, любовь к отечеству, одним словом – республика; а все это, как видно, основано на восхищении наблюдателя».

Вот совсем другой способ объяснять наших пчел. Сначала он может показаться более естественным; но, в сущности, не происходит ли это по той простой причине, что он не объясняет почти ничего? Я умалчиваю о существенных ошибках этой страницы; но разве не нужно известной разумности, чтобы так приспособиться к нуждам совместной жизни, по возможности наименее вредя друг другу; эта разумность покажется тем более замечательной, чем ближе придется рассмотреть, каким образом эти «десять тысяч индивидов» избегают необходимости вредить один другому и достигают того, что помогают друг другу. К тому же – не есть ли это наша собственная история; и что говорит старый раздраженный натуралист такого, что не было бы вполне применимо ко всем нашим человеческим обществам? Наша мудрость, наши добродетели, наша политика – горькие плоды необходимости, позолоченные нашим воображением, – не имеют другой цели, как утилизировать наш эгоизм и обратить на общую пользу естественно

вредную деятельность каждого индивида. И потом, повторяю опять, если не хотят признать, чтобы пчелы имели какие-нибудь идеи, какие-нибудь чувства, которые мы им приписываем, то все-таки имеет ли для нас какую-нибудь важность, куда будет направлено наше удивление? Если думают, что неосторожно восхищаться пчелами, мы будем восхищаться природою; всегда наступит мгновение, когда у нас нельзя будет отнять наше восхищение, и мы ничего не потеряем от того, что отступили и выждали.

XXIII

Как бы то ни было, но пчелы в своей царице (мы не оставляем нашей догадки, имеющей, по крайней мере, то преимущество, что она связывает в нашем уме известные акты, очевидно, связанные и в действительности) обожают не столько самую царицу, сколько бесконечное будущее их расы. Пчелы совсем не сентиментальны, и когда какая-нибудь из них возвращается с работы настолько серьезно раненной, что они считают ее больше неспособной быть полезной, то они безжалостно ее изгоняют. А между тем нельзя сказать, чтобы им было совсем недоступно чувство известного рода личной привязанности к их матери. Они ее узнают между многими. Даже когда она стара, жалка, искалечена, стража у входа никогда не позволит проникнуть в улей неизвестной царице, как бы она ни казалась молода, прекрасна, плодовита. Тут лежит поистине один из фундаментальных принципов их распорядков, от которого они отступают только иногда, в эпоху наибольшего сбора меда, для какой-нибудь чужой работницы, хорошо нагруженной припасами.

Когда царица делается совершенно бесплодной, пчелы замещают ее другою, воспитавши для этой цели несколько принцесс. Но что они делают со старой верховной матерью – это в точности не известно; но иногда пчеловодам приходилось находить на сотах улья находящуюся во цвете сил и лет царицу, а совсем в глубине, в темном убежище, старую матку («maitresse», как ее называют в Нормандии), похудевшую и увечную. Надо думать, что в таком случае они должны были принимать меры для ее защиты от ненависти ее мощной соперницы, которая только и мечтает об ее смерти, ибо царицы питают друг к другу непобедимое отвращение, заставляющее их бросаться одна на другую, как только они окажутся вдвоем под одной кровлей. Можно думать, что в указанном случае пчелы обеспечивают старой царице скромное и мирное убежище в отдаленном углу обители, где она и может доживать свой век. Здесь мы опять соприкасаемся с одной из тысяч загадок воскового царства, и нам еще раз представляется случай констатировать, что политика и привычки пчел совсем не фатальны и не узки и что они повинуются многим импульсам, более сложным, чем те, которые мы полагаем известными.

XXIV

Мы на каждом шагу нарушаем законы природы, которые должны казаться пчелам наиболее непоколебимыми. Мы каждый день ставим их в такое положение, в каком очутились бы мы сами, если бы кто-нибудь вдруг уничтожил вокруг нас законы тяжести, пространства, света или смерти. Что же сделали бы они, если ввести к ним в улей, силою или обманом, вторую царицу? В природном состоянии этот случай, благодаря входным часовым, может быть, никогда не представлялся с тех пор, как пчелы существуют в этом мире. Они совсем не теряют головы и умеют согласить возможно лучшим образом два принципа, которые они чтут, как божественные повеления. Первый – это принцип единого материнства, от которого они никогда не отступаются, кроме случая (и исключительно одного этого) бесплодности царствующей матки. Второй принцип еще более удивителен; его также нельзя преступить, но возможно фарисейски обойти. Это принцип неприкосновенности личности всякой царицы. Пчелам было бы легко пронзить насильно забравшуюся к ним царицу тысячью отравленных жал; она погибла

бы немедленно, и им осталось бы только вытащить из улья ее труп. Но хотя у них жало всегда наготове, хотя они им пользуются во всякое время, чтобы сражаться друг с другом, чтобы убивать трутней, врагов или паразитов, *они никогда не выпускают жала против царицы*, точно так же, как и царица никогда не выпускает своего жала ни против человека, ни против животного, ни против обыкновенной пчелы; ее царское оружие не выпрямлено, как у работницы, а согнуто в виде сабли, и она обнажает его только тогда, когда борется с равной, то есть с другой царицей.

Ни одна пчела не дерзает, вероятно, взять на себя ужас непосредственного и кровавого цареубийства, но во всех обстоятельствах, когда ради доброго порядка и благоденствия республики необходимо, чтобы какая-нибудь царица погибла, пчелы стараются придать ее кончине вид естественной смерти; они до бесконечности подразделяют преступление между собой, так что оно становится анонимным.

Тогда они окружают («emballent», по техническому выражению французских пчеловодов) чужую царицу со всех сторон своими многочисленными переплетающимися телами, образуя таким образом род живой темницы, где пленница не может больше двигаться; в этом положении они держат ее, если понадобится, в течение двадцати четырех часов – словом, до тех пор, пока она не умрет от голода или недостатка воздуха.

Если в это время приблизится законная царица и если, почуяв соперницу, она выкажет намерение ее атаковать, стенки подвижной темницы тотчас же перед нею раскроются. Пчелы образуют круг около обеих соперниц и, не принимая участия, внимательные, но беспристрастные, присутствуют при поединке в качестве лишь зрительниц, ибо только царица может обнажать оружие против царицы, – только та, которая несет в своих недрах около миллиона жизней, имеет, по-видимому, право одним ударом произвести около миллиона смертей.

Но если столкновение продолжается без результатов, если оба согнутых жала бесполезно скользят по тяжелой хитиновой броне и какая-нибудь царица – все равно, законная или чужая – вздумает обратиться в бегство, то она будет остановлена, схвачена, заключена в составленную из трепещущих тел темницу и пробудет там до тех пор, пока не обнаружит желания возобновить бой.

Нужно заметить, что в многочисленных опытах, произведенных по этому вопросу, наблюдалось почти неизменно, что одерживала победу царствующая матка, потому ли, что, чувствуя себя дома, среди своих, она проявляет больше отваги, больше горячности, чем другая, или потому, что пчелы при всей своей беспристрастности во время боя менее беспристрастны в своей манере заключать в темницу обеих соперниц, так как их матка, по-видимому, несколько не страдает от этого заключения, между тем как чужая выходит из него почти всегда помятая и ослабленная.

XXV

Один легкий опыт показывает лучше всех других, что пчелы узнают свою царицу и испытывают к ней настоящую привязанность. Удалите из улья царицу, и вы увидите, как тотчас же обнаружатся все явления тоски и отчаяния, которые были описаны в одной из предыдущих глав. Возвратите им несколько часов спустя ту же самую царицу, и все ее дочери придут к ней навстречу и будут предлагать ей мед. Одни станут шпалерами на ее пути, другие, опустивши голову вниз и поднявши брюшко на воздух, образуют перед ней неподвижные, но звучащие полукруги, причем они, без сомнения, поют гимн благополучному возвращению царицы и выражают, можно сказать, определенными ритуалами торжественное почтение или высочайшее счастье, которое они по этому поводу испытывают.

Но не надейтесь их обмануть, подставивши вместо законной царицы чужую матку. Едва она успеет сделать несколько шагов, как негодующие работницы прибегут со всех сторон. Она будет немедленно схвачена, окружена и заключена в ужасную мятежную темницу, упрямые

стены которой будут, так сказать, возобновляться до ее смерти, так как в данном случае почти никогда не случается, чтобы она вышла оттуда живой.

Поэтому введение и замещение царицы является одной из больших трудностей пчеловодства. Любопытно знать, к какой дипломатии, к каким сложным ухищрениям должен прибегать человек, чтобы подчинить своему желанию и обмануть этих маленьких насекомых – прозорливых, но простодушных и принимающих с трогательным мужеством самые неожиданные события, – и заставить их считать появление новой царицы за новый, но роковой каприз природы. Вообще во всей этой дипломатии и отчаянной неурядице, вносимой очень часто этими рискованными хитростями, человек всегда рассчитывает на удивительное практическое чувство пчел; основываясь на опыте, он всегда рассчитывает на неистощимое сокровище их законов и их чудесные привычки, на их любовь к порядку, миру и общественному благу, на их верность будущему, ловкость, твердость, серьезное бескорыстие их характера, а в особенности на такое постоянство в исполнении своих обязанностей, которое ничем не может быть утомлено. Но подробности этой процедуры принадлежат, собственно говоря, руководствам по пчеловодству и увлекли бы нас слишком далеко⁵.

XXVI

Что касается личной привязанности, о которой мы говорили, то, и допуская ее возможность, можно утверждать с полной уверенностью, что память об этой привязанности коротка. Если вы вздумаете возвратить в ее царство матку, уже несколько дней оттуда выбывшую, то она будет так принята своими возмущенными дочерьми, что вам придется поторопиться вырвать ее от смертельного заключения – наказания неизвестных цариц. Это потому, что у них уже было время превратить в царские ячейки десятков помещений работниц и будущему расы больше не грозит никакой опасности. Их привязанность вырастает или уменьшается сообразно тому, каким образом царица представляет это будущее. Так, когда девственная царица совершает церемонию опасного «брачного полета», то часто приходится наблюдать такое явление: ее подданные до такой степени опасаются потерять свою царицу, что сопровождают ее все в этом трагическом и далеком искании любви (о котором буду говорить дальше), чего они никогда не делают, если позаботиться дать им кусок сота, содержащий ячейки молодого выводка, где они находят надежду воспитать других маток. Эта привязанность может даже обратиться в ярость и ненависть, если их повелительница не выполняет всех своих обязанностей по отношению к абстрактному божеству, которое мы назовем «будущее общество» и которое они постигают более живо, чем мы. Случалось, например, что пчеловоды, по разным соображениям, мешали царице присоединиться к рою, удерживая ее в улье с помощью сетки, через которую

⁵ Обыкновенно чужую царицу вводят, заключивши ее в маленькую проволочную сетку, которую вешают между двумя сотами. Клетка снабжена дверью из воска и меда, которую работницы прогрызают, когда пройдет их гнев, освобождая, таким образом, пленницу, и часто принимают последнюю без недоброжелательства. М. S. Simmins, директор большого пчеловодного заведения в Rottingdeon'e, недавно нашел другой способ введения царицы, необыкновенно простой и удающийся почти всегда, он становится распространенным среди пчеловодов, заботящихся об успехах своего дела. Обычай введения царицы особенно затрудняется поведением царицы. Она волнуется, убегает, прячется, ведет себя, как незаконная самозванка, возбуждает подозрения, которые скоро подтверждаются исследованием работниц. М. Simmins сначала совершенно изолирует царицу, которую нужно ввести, и заставляет ее голодать в течение получаса. Потом он подымает угол внутренней крышки осиротевшего улья и кладет чужую царицу на вершину одного из сотов. Приведенная в отчаяние своим предыдущим одиночеством, она счастлива, что опять находится среди пчел, и, проголодавшись, жадно принимает предлагаемую ей пищу. Работницы, обманутые этой уверенностью, не производят расследований, воображают, что это, вероятно, вернулась их старая царица, и принимают ее с радостью. Из этого опыта, по-видимому, вытекает, что пчелы, вопреки мнению Губера и всех наблюдателей, не в состоянии узнавать своей царицы. Как бы то ни было, оба объяснения, одинаково вероятные, – хотя истина находится, быть может, в третьем, еще нам неизвестном, – еще лишний раз показывают, как сложна и темна психология пчелы. А из этого, так же как и из всех вопросов жизни, можно вывести только одно заключение, а именно, что в ожидании лучшего нужно, чтобы в нашем сердце господствовала любознательность.

тонкие и ловкие работницы проходили, не замечая ее, но которая составляла непреодолимое препятствие к выходу для бедной рабы любви, значительно более тяжелой и объемистой, чем ее дочери. При первом выходе пчелы, убедившись, что царица за ними не последовала, возвращались в улей, журили ее, толкали и очень явно обращались дурно с несчастной пленницей, которую они, несомненно, обвиняли в лени или принимали за немного слабоумную. При втором выходе, когда ее нежелание казалось очевидным, их гнев увеличивался и дурное обращение становилось более серьезным. Наконец, в третий раз, считая ее неисправимо неверной своей судьбе и будущему расы, пчелы почти всегда осуждали ее и предавали смерти в царской тюрьме.

XXVII

В мире пчел, очевидно, все подчиняется будущему, с предусмотрительностью, единоглашием, непреклонностью, способностью истолковывать обстоятельства так, чтобы извлечь из них пользу, словом, свойствами, которые поражают нас удивлением, если принять во внимание все неожиданное, все сверхъестественное, что наше вмешательство теперь беспрестанно вносит в их жилище. Может быть, заметят, что в последнем случае они очень плохо истолковали бессилие царицы последовать за ними. Были ли бы мы много прозорливее, если бы какое-нибудь существо, с разумом другого порядка, чем наш, и таким колоссальным туловищем, что его движения были бы приблизительно так же неуловимы, как движения феномена природы, — если бы такое существо стало расставлять нам для забавы западни такого же рода? Разве мы не употребили несколько тысяч лет, чтобы придумать достаточно вероятное объяснение молнии? Всякий разум становится тяжелым, медлительным, когда он выходит из своей сферы, которая всегда мала, и когда он встречается с явлениями, не им произведенными. Кроме того, еще неизвестно, не кончилось ли бы тем, что пчелы поняли бы опыт и устранили его неудобства, если бы он продолжился и сделался обыкновенным. Они уже поняли много других опытов и воспользовались ими самым остроумным образом. Таков опыт с «подвижными сотами» или, например, с «sections», где их заставляют складывать свой запасный мед в маленькие корбочки, симметрично сложенные столбиками; таков еще более необыкновенный опыт с «гофрированным воском», где ячейки только слегка очерчены тонким восковым контуром; тут пчелы немедленно соображают их полезность, начинают заботливо вытягивать эти зачаточные ячейки и, не теряя материала и труда, образуют совершенные ячейки. Разве во всех обстоятельствах, которые не представляются им в форме западни, поставленной каким-то злобным и лукавым богом, они не открывают лучшее и единственное человеческое решение? Укажем на одно из этих естественных, но совершенно ненормальных обстоятельств. Например, когда в улей проникнут слизняк или мышь и будут там убиты, что сделают пчелы, чтобы отделаться от трупа, который скоро отравит воздух? Если им невозможно его вытолкнуть или разнять на части, они методически и герметически закупоривают его в настоящий склеп из воска и пчелиной смазки, который странно возвышается среди обыкновенных построек улья. В прошлом году я нашел в одном из моих ульев скопление из трех таких могил, разделенных, подобно ячейкам в сотах, промежуточными стенками таким образом, чтобы наиболее сэкономить воск. Осторожные могильщицы возвели эти могилы над остатками трех маленьких улиток, втиснутых ребенком в их фаланстеру. Обыкновенно, если они имеют дело с улитками, то довольствуются тем, что покрывают воском отверстие раковины. Но в данном случае раковины были более или менее разбиты или треснуты, и они решили, что проще похоронить все; а чтобы не стеснять движение у входа, они оставили в этой загромождающей его массе несколько галерей, точно соответствующих не их росту, но размерам трупней, которые приблизительно вдвое толще их. Этот и нижеследующий факт не позволяют ли думать, что они рано или поздно открыли бы причину, почему царица не может следовать за ними через сетку. В странах, где распростра-

нена гнусная сумеречная бабочка с мертвой головой, *Acherontia Atropos*, пчелы строят при входе в свои ульи восковые колонки, между которыми ночной грабитель не может протиснуть свое огромное брюхо.

XXVIII

По этому вопросу уже достаточно сказано: я бы никогда не кончил, если бы захотел исчерпать все примеры. Чтобы резюмировать роль и положение царицы, можно сказать, что она – сердце-раб обители, разум, который ее окружает. Она единственная владычица, но также и царственная слуга, пленная хранительница и ответственная представительница любви. Ее народ служит ей и почитает ее, не забывая, однако, что он подчиняется не ее личности, а выполняемой ею миссии и судьбам, которые она представляет. Трудно отыскать такую человеческую республику, план которой охватывал бы столь значительную часть желаний нашей планеты; демократию, где независимость была бы в то же время более совершенной и более разумной и где подчинение было бы более общим и более обоснованным. Но нельзя также найти и такой, где бы жертвы были более суровы и более абсолютны. Не думайте, что я восхищаюсь этими жертвами так же, как их результатами. Очевидно, было бы желательнее, чтобы эти результаты могли быть получены с меньшими страданиями, с меньшим самоотречением. Но раз основное положение принято – а оно может быть необходимо в идее нашей планеты, – организация этой республики поразительна. Какова бы ни была на этот счет человеческая истина, в улье жизнь рассматривается не как ряд часов, более или менее приятных, которые из благоразумия не следует омрачать и ухудшать, кроме минут, необходимых для поддержания жизни, – а как великий и строго между всеми разделенный долг по отношению к будущему, непрерывно отступающему с начала мира. Каждый здесь отказывается больше чем от половины своего счастья и своих прав. Царица прощается с дневным светом, с чашечками цветов, со свободой; работницы отказываются от любви, четырех или пяти лет жизни и от сладости быть матерью. У царицы мозг сводится на нет в пользу органов размножения, а у работницы эти органы атрофируются в интересах органов разума. Было бы несправедливо утверждать, что в этих отречениях воля не принимает никакого участия. Правда, работница не может изменить своей собственной участи, но она располагает судьбою всех куколок, которые ее окружают и косвенно являются ее дочерьми. Мы видели, что каждая личинка работницы, если она помещена и питается по царскому режиму, может стать царицей; подобным же образом каждая царская личинка может преобразоваться в работницу, если соответственно изменить ее пищу и уменьшить ячейку. Эти удивительные избрания производятся каждый день в золотистой тени улья. Но они происходят не случайно – ими руководит, их регулирует мудрость, законностью и глубокою важностью которой может злоупотреблять только человек, – мудрость, которая всегда бодрствует и считается со всем, что происходит как вне улья, так и в его стенах. Если неожиданно цветы распускаются в изобилии, если холмы или берега реки украшаются новой жатвой, если царица стара или менее плодовита, если население сгущается и чувствует себя стесненным, то вы увидите появление царских ячеек. Эти же самые ячейки могут быть разрушены, если жатва не удалась или улей увеличился. Они часто поддерживаются до тех пор, пока молодая царица не совершит с успехом своего брачного полета, и затем уничтожаются, когда царица возвратится в улей, волоча за собою, подобно трофею, несомненный знак своего оплодотворения. Где она, эта мудрость, которая так взвешивает настоящее и будущее и для которой то, что еще не видимо, имеет больше веса, чем все то, что видно? Где она находится, эта безыменная осторожность, которая отрекается и выбирает, которая подымает и понижает, которая из стольких работниц могла бы сделать столько цариц и которая из стольких матерей делает народ девственниц? Мы говорили в другом месте, что она заключена в «духе улья»; но где его, наконец, искать, этот «дух улья», как не в собрании работниц? Может быть, для того чтобы убедиться, что он

пребывает именно там, нет необходимости так внимательно наблюдать привычки царской республики. Было бы достаточно, как это сделали Дюжардэн, Брандт, Жирард, Фогель и другие энтомологи, поместить под микроскопом, рядом с несколько пустым черепом царицы и великолепной головой трутня, где сияют двадцать шесть тысяч глаз, маленькую, неприглядную и заботливую головку девственницы-работницы. Мы бы увидели, что в этой маленькой головке свернуты извилины самого обширного и самого остроумного мозга в улье. Он даже – самый прекрасный, самый сложный, самый тонкий, самый совершенный в природе после человека, в другом разряде существ и с другой организацией⁶.

И здесь так же, как и всюду в строе известного нам мира, власть, истинная сила, мудрость и победа находятся там, где находится мозг. И здесь также почти невидимый атом этой таинственной материи умеет создать себе маленькое, торжествующее и прочное положение между огромными и косными силами небытия и смерти.

XXIX

Теперь возвратимся к нашему улью, который роится и не ждет конца этих размышлений, чтобы дать сигнал к отлету. В то мгновение, когда дается этот сигнал, можно сказать, что все двери улья открываются одновременно внезапным и безумным напором, и черная толпа оттуда вырывается или, вернее, оттуда бьет, смотря по числу отверстий, двойной, тройной или четверной струей, прямой, напряженной, вибрирующей и непрерывной, которая тотчас же растворяется и расширяется в пространстве сетью звучащей ткани из ста тысяч волнующихся прозрачных крыльев. В течение нескольких минут сеть носится, таким образом, над ульем, производя удивительный шелест прозрачной шелковой ткани, которую бы непрерывно разрывали и сшивали многие тысячи наэлектризованных пальцев. Она волнуется, колеблется, трепещет, подобно покровам, поддерживаемым в небесах невидимыми руками, которые в торжественном ликовании свертывают и развертывают их от цветов земли до лазури неба, в ожидании августейшего прибытия или отбытия. Наконец, один край подымается, другой опускается, все четыре угла пронизанной солнцем, лучезарной и поющей мантии соединяются, и, подобно сказочному разумному ковру-самолету, который проносится над горизонтом, исполняя какое-нибудь желание, она вся – уже сложенная, чтобы прикрыть священное присутствие будущего, – направляется к липе, груше или иве, где царица утверждается, как золотой гвоздь, к которому мантия и зацепляет свои мелодичные волны и вокруг которого свертывает свою жемчужную ткань, всю сверкающую крыльями.

Затем воцаряется молчание; и вся эта великая тревога, и это страшное покрывало, казавшееся наполненным бесчисленными угрозами и гневом, и этот оглушающий золотой звон, который все время в нерешительности неустанно звучал над всеми окрестными предметами, – все это минуту спустя превращается в большую безобидную и миролюбивую гроздь, образованную из тысяч маленьких, живых, но неподвижных зерен, подвешенную к ветви дерева и терпеливо ожидающую возвращения разведчиков, отправившихся на поиски убежища.

⁶ По вычислениям Дюжардэна, мозг пчелы составляет 174-ю часть общего веса насекомого; мозг муравья – 296-ю. Зато мозговые ножки, которые, по-видимому, развиваются пропорционально победам, одержанным разумом над инстинктом, немного менее значительны у пчелы, чем у муравья. Одно уравновешивается другим, и отдавая должное гипотезе и принимая в расчет темноту этого вопроса, из этих вычислений, по-видимому, вытекает, что интеллектуальные силы пчелы и муравья должны быть приблизительно равны.

XXX

Это первый привал роя, называемый «первичным»; во главе его всегда находится старая царица. Рой обыкновенно садится на ближайшее к улью дерево или деревцо, потому что, отягощенная яйцами и не видевшая свету со времени своего брачного полета или со времени роения прошлого года, царица еще не решается пуститься в пространство; она как будто научилась пользоваться своими крыльями.

Пчеловод ждет, чтобы вся масса скучилась; потом, покрывши голову широкой соломенной шляпой (так как самая безобидная пчела неизбежно выпустит жало, если запутается в волосах, где она считает себя попавшей в западню), но без маски и без вуали, если он опытен, погружает свои голые руки до локтей в холодную воду и потом собирает рой, сильно встряхивая ветку, на которой он сидит, над опрокинутым ульем. Гроздь тяжело падает туда, подобно зрелому плоду. Или же, если ветвь слишком крепка, он прямо черпает из этой кучи ложкой и затем распределяет эту живую массу, как ему нужно, подобно зерну. Ему нечего бояться пчел, жужжащих вокруг него и покрывающих массой его руки и лицо. Он слушает их песнь опьянения, которая не похожа на песнь гнева. Ему нечего бояться, что рой разделится, раздражится, рассеется или ускользнет. Я говорил уже – в этот день таинственные работницы празднично настроены и доверчивы, так что ничто не может их расстроить. Они отказались от благ, которые им нужно было защищать, и не узнают больше своих врагов. Они безвредны, потому что они счастливы, а счастливы они – неизвестно почему: они исполняют закон. Все существа имеют подобное мгновение слепого счастья, которое дает им природа, когда хочет достигнуть своих целей. Не будем удивляться, что пчелы даются ей в обман; мы сами, наблюдая ее столько веков – и наблюдая с помощью мозга более совершенного, чем у пчел, – мы сами также бродим в потемках, не знаем, доброжелательна она к нам, безразлична или низменно жестока.

Рой останется там, где упадет царица, и, если даже она упадет в улей одна, раз ее присутствие там будет удостоверено, все пчелы длинными черными рядами направятся к материнскому убежищу; в то время как одни торопливо проникают туда, другие, останавливаясь на мгновение у входа, образуют круги для торжественного ликования, которым они имеют обыкновение приветствовать счастливые события. Они «бьют сбор», говорят крестьяне. В ту же минуту неожиданное убежище принято и исследовано до малейших уголков; его положение в пчельнике, его форма, его цвет замечены и запечатлены в осторожной и верной памяти многих тысяч маленьких существ. В окрестности заботливо отмечены точки отправления, новая обитель уже существует вся целиком в глубине их мужественного воображения, и ее место уже обозначено в уме и сердце всех ее обитателей; в ее стенах раздается гимн любви в честь царицы, и работа начинается.

XXXI

Если человек не подберет роя, история последнего на этом не останавливается. Он остается висеть на ветви до возвращения работниц, исполняющих обязанности разведчиц или крылатых квартирьеров, рассеявшихся с первых же минут роения во всех направлениях в поиске за новым жилищем. Одна за одной возвращаются они из путешествия и дают отчет о своей миссии; а так как нам невозможно проникнуть в мысль пчел, нужно, чтобы мы объяснили по-человечески зрелище, на котором мы присутствуем. Возможно, значит, что их донесения внимательно выслушиваются. Одна, по-видимому, превозносит дупло дерева, другая хвалит преимущества щели в старой стене, пустоты в гроте или оставленной норы. Часто случается, что собрание колеблется и совещается до следующего утра. Наконец выбор сделан и согласие установлено. В известную минуту вся гроздь волнуется, копошится, разделяется, рассыпается

и стремительным, напряженным полетом, который на этот раз не знает препятствий, направляется через ограды, нивы, поля, мельницы, пруды, деревни и реки. Эта трепещущая туча направляется к определенной и всегда очень отдаленной цели. Редко бывает, чтобы человек мог проследить их второй перелет. Рой возвратился к природе, и мы теряем след его судьбы.

Часть III Основание обители

I

Посмотрим лучше, что делает рой, собранный пчеловодом, в улье, куда он был им помещен. Прежде всего вспомним жертву, принесенную этими пятьюдесятью тысячами девственниц, которые, по словам Ронсара, *имеют прекрасное сердце внутри их маленького тельца*, и еще раз отдадим дань удивления их мужеству, необходимому, чтобы начать снова жизнь в пустыне, куда они теперь попали. Они забыли богатую и великолепную обитель, где они родились, где их существование было так обеспечено и так превосходно организовано, где сок всех цветов, вспоминающих солнце, позволял им с улыбкой встречать угрозы зимы. Там они оставили спящими в глубине их колыбелей тысячи и тысячи дочерей, которых они никогда не увидят. Там они покинули, кроме огромных богатств воска, пчелиной смазки и цветочной пыли, накопленных ими, еще сто двадцать с лишком фунтов меда, то есть в двенадцать раз больше веса всего народа, в сумме взятого, приблизительно в шестьсот раз больше веса каждой пчелы, что для человека представляет сорок две тысячи бочек жизненных припасов, целую флотилию больших судов, нагруженных пищевым веществом, более драгоценным и более совершенным, чем все нам известные, потому что мед является для пчел как бы жидкою жизнью; для них это род млечного сока, ассимилируемого немедленно и почти без остатка.

Здесь, в новом жилище, нет ничего: ни одной капли меда, ни одного кусочка воска, ни одного отправного пункта, ни одной точки опоры. Здесь безотрадная нагота огромного здания, в котором нет ничего, кроме крыши и стен. Закругленные и гладкие стены не заключают, а обнимают темное пространство, а сверху над пустотой высится огромный шарообразный свод. Но пчела не знает бесполезных сожалений, и, во всяком случае, она на них совсем не останавливается. Ее рвение не только не ослаблено испытанием, которое превзошло бы всякое другое мужество, но стало еще больше, чем когда бы то ни было. Едва только улей поднят и поставлен на место, едва только уляжется неурядица, произведенная шумным падением, как уже в смешанной массе замечается разделение, очень определенное и совершенно неожиданное. Самая большая часть пчел, подобно армии, которая повиновалась бы очень определенному приказу, начинает карабкаться широкими колоннами вдоль вертикальных стенок здания. Первые же, достигшие свода, зацепляются там когтями передних лап; следующие за ними прицепляются к первым и т. д., до тех пор, пока не образуются длинные цепи, служащие мостом толпе, которая все подымается. Мало-помалу число цепей все увеличивается, они становятся все толще и все больше переплетаются и, наконец, превращаются в гирлянды, которые под влиянием бесчисленных и непрерывных восхождений сливаются в свою очередь в одну толстую треугольную завесу или, скорее, в нечто вроде плотного конуса, обращенного вершиной к куполу, где он прикрепляется, а расширяющееся основание спускается до половины или до двух третей всей высоты улья. Когда последняя пчела, чувствуя, что внутренний голос призывает ее прикнуться к этой партии, взобралась на завесу, повешенную во тьме, восхождение прекращается; в куполе мало-помалу движение совсем затихает, и странный висящий конус в течение долгих часов ждет наступления таинства образования воска в молчании, которое можно принять за религиозное, и в ужасающей неподвижности.

В это время остальные пчелы, то есть все оставшиеся внизу улья, не обращая внимания на образование чудесной завесы, в складки которой должен снизойти магический дар, не

искушаясь, по-видимому, желанием присоединиться туда же, осматривают здание и предпринимают необходимые работы.

Пол заботливо подметается, и сухие листья, веточки, песчинки одна по одной унесены далеко, потому что чистоплотность пчел доходит до мании: когда в середине зимы большие холода слишком долго мешают им производить так называемые полеты чистоплотности, они, скорее чем загрязнить улей, погибают в массе, жертвами ужасной болезни кишок. Только трутни неисправимо беззаботны и нагло покрывают нечистотами соты, которые они посещают, так что работницы вынуждены беспрестанно чистить за ними.

После чистки улья пчелы той же непосвященной группы, которая не смешивается с пчелами висящего в каком-то экстазе конуса, принимаются аккуратно замазывать внутреннюю поверхность общего жилья. Потом они осматривают все щели, наполняют и покрывают их пчелиной смазкой и затем начинают полировку стен сверху до низу всего здания. Входная стража реорганизуется, и скоро известное число работниц отправляется в поля и возвращается, нагруженное медовым соком цветов и их пылью.

II

Прежде чем приподнять складки таинственной завесы, в тени которой кладется основа истинного жилья, попробуем дать себе отчет в том, сколько придется выказать нашим маленьким эмигрантам разумности, верности взгляда, расчета и искусства, необходимых, чтобы приспособить убежище, чтобы начертать в пустоте план города, мысленно отметить там место зданий, которые предстоит выстроить наиболее экономическим образом и как можно быстрее, потому что царица, вынужденная класть яйца, уже рассыпает их по полу. Кроме того, в этом лабиринте еще несуществующих построек, форма которых по необходимости необычна, нужно не терять из виду законов вентиляции, устойчивости, прочности, оценить силу сопротивления воска, природу припасов, которые будут сохраняться, свободу доступа, привычки царицы, размещение, в некотором роде предустановленное, как органически наилучшее, складов, домов, улиц и проходов и много других задач, которые было бы слишком долго перечислять.

Форма ульев, предлагаемых пчелам человеком, меняется до бесконечности: от дуплистого дерева или глиняного цилиндра, еще употребляющегося в Африке и в Азии, и классического соломенного колокола, который можно встретить среди грядок с подсолнечниками, флоксом и штокрозами в огородах или под окнами большинства наших ферм, до настоящих заводов современного пчеловодства, где иногда накапливается больше ста пятидесяти килограммов меда, содержащихся в трех или четырех этажах сот, расположенных одни над другими и окруженных рамой, которая позволяет их вынимать, брать соты, извлекать из них мед центробежной силой при помощи турбины и снова ставить их на место, подобно тому, как сделали бы с книгой в хорошо организованной библиотеке.

Каприз или промышленность человека в один прекрасный день вводит послушный рой в одно или другое из этих жилищ, выбивающих пчел из обычной колеи. Маленькому насекомому предоставляется там разобраться, ориентироваться, видоизменить план, который силою вещей должен быть неизменен, определить в этом необычном пространстве положение зимних магазинов, которые не должны выходить из пояса теплоты, выделяемой полуусыпленным населением; оно само должно, наконец, предусмотреть точку, где сконцентрируются соты для вывода, положение которых, во избежание какого-нибудь несчастья, должно быть приблизительно неизменно – ни слишком высоко, ни слишком низко, ни слишком близко, ни слишком далеко от двери. Пчелы, например, вышли из ствола опрокинутого дерева, который представлял длинную горизонтальную галерею, узкую и приплюснутую, – и вот они вдруг попали в здание, высящееся как башня, крыша которого теряется во мраке. Или же, чтобы еще больше понять их обыкновенное удивление, представьте такую картину: они, в течение веков привык-

шие жить под соломенным куполом наших деревенских ульев, вдруг видят себя помещенными в нечто подобное большому шкафу или сундуку, втрое или вчетверо обширнее дома, где они родились, и должны теперь ориентироваться посреди путаницы висящих одна над другою рам, то параллельных со входом, то перпендикулярных к нему и образующих целую сеть лесов, перепутывающих всю поверхность их жилища.

III

Ничего не значит – не было примера, чтобы рой отказался приняться за работу, потерял мужество или растерялся вследствие необычности условий, если только предлагаемое жилище не пропитано дурным запахом или действительно необитаемо. Даже в таком случае не может быть речи об упадке духа, колебании или отречении от долга. Рой просто покидает него-степриимное убежище и отправляется искать лучшей доли где-нибудь дальше. Еще меньше можно сказать, чтобы когда-нибудь удалось заставить пчел произвести ненужную и неразумную работу. Никогда не приходилось констатировать, чтобы пчелы потеряли голову или чтобы они, не зная, на что решиться, предприняли наудачу разбросанные и неправильные постройки. Поместите их в шар, в куб, в пирамиду, в овальную или многоугольную корзину, в цилиндр или в спираль; загляните к ним через несколько дней, если они приняли жилище, – и вы увидите, что это странное сборище маленьких независимых умов сумело немедленно прийти к соглашению, чтобы без колебаний, с помощью метода, принципы которого, по-видимому, неизменны, но следствия жизненны, выбрать самое выгодное положение, часто единственное место, которое может быть утилизировано в нелепом обиталище.

Когда их помещают в один из тех больших, снабженных рамами, заводов, о которых мы только что говорили, пчелы принимают в расчет эти рамы лишь постольку, поскольку они служат для них пунктами отправления и точками опоры, удобными для их сотов, и весьма естественно, что они нисколько не беспокоятся ни о желаниях, ни о намерениях человека. Но если пчеловод позаботился снабдить верхнюю дощечку некоторых рам узкой полоской воска, то они немедленно поймут выгоды, представляемые им этой начатой работой; они заботливо вытянут эту полоску и, прибавивши к ней собственного воску, методически продолжают сот по указанному плану. Точно так же – и это часто бывает при интенсивном современном пчеловодстве, – если все рамы улья, куда поместили рой, снабжены сверху донизу листами гофрированного воска, пчелы не станут терять времени, чтобы строить другие рядом или поперек, не станут бесполезно делать воск, но, найдя работу уже наполовину сделанной, удовольствуются тем, что углубят и удлинят каждую из ячеек, намеченную на листе, исправляя постепенно места, где лист уклоняется от строгой вертикальной линии; и, таким образом, они, менее чем в одну неделю, станут обладательницами такого же роскошного и так же хорошо построенного города, как и тот, который они покинули; между тем как, предоставленные только их собственным ресурсам, они должны были бы работать два или три месяца, чтобы настроить в таком же изобилии склады и дома из белого воска.

IV

Конечно, эта способность приспособления должна казаться далеко выходящей из границ инстинкта. Но, в сущности, нет ничего произвольнее этих различий между инстинктом и собственно разумом. Сэр Джон Леббок, который сделал такие любопытные и самостоятельные наблюдения над муравьями, осами и пчелами, очень склонен отказать пчелам в способности к различению и рассуждению, как только пчела выходит из рутины своих привычных работ. Это происходит, может быть, вследствие бессознательного и немного несправедливого предпочтения, оказываемого исследователем, составлявшим предмет его специального исследова-

ния, муравьям, потому что всякий наблюдатель хочет, чтобы насекомое, которое он изучает, было более разумным и более замечательным, чем другие; но не мешало бы остеречься от этой мелкой причуды самолюбия. Для доказательства своей мысли сэра Джон Леббок приводит опыт, который легко может быть произведен каждым. Впустите в графин полдюжины мух и полдюжины пчел; потом, положивши графин горизонтально, поверните дно к окошку комнаты. Пчелы в течение многих часов с ожесточением будут искать выход через дно графина, пока не умрут от усталости или голода, между тем как мухи меньше чем в две минуты выйдут все с противоположной стороны, через горлышко. Сэр Джон Леббок заключает из этого, что ум пчелы чрезвычайно ограничен и что муха проявляет гораздо больше ловкости, чтобы выпутаться и найти дорогу. Это заключение не выглядит безупречным. Поворачивайте попеременно, двадцать раз подряд, если хотите, направляя к свету то дно, то горлышко прозрачного шара, – и двадцать раз подряд пчелы повернутся в то же время, чтобы направиться к свету. То, что их губит в опыте ученого англичанина, это – их любовь к свету, это – именно их разум. Они, очевидно, воображают, что во всякой тюрьме освобождение должно быть со стороны наиболее яркого света; они действуют соответственно и упорствуют в своих слишком логичных действиях. Они никогда не знали той сверхъестественной тайны, которою является для них стекло; они видят лишь, что атмосфера внезапно стала непроницаемой, то есть произошло явление, которое не существует в природе; это препятствие, эта тайна должны быть для них тем более недопустимы, тем более непонятны, чем более они разумны; между тем как безмозглые мухи, нисколько не заботясь о логике, о призыве света, о загадочности стекла, носятся наудачу в шаре и здесь необходимо наталкиваются счастливо на своем пути на благодетельное горлышко, которое их и выпускает, – подобно тому, как иногда спасаются недалекие там, где погибают самые мудрые.

V

Этот же натуралист видит еще доказательство недостаточности разума пчел в следующей странице известного американского пчеловода, почтенного Лангстрота: «Так как муха была призвана жить не на цветах, но на веществах, где она легко могла бы утопиться, она с предосторожностью садится на края сосудов, содержащих жидкую пищу, и черпает оттуда осторожно, между тем как бедная пчела бросается туда головой вниз и скоро там погибает. Страшная участь их сестры ни на минуту не останавливает других, когда они, в свою очередь, приближаются к приманке: как безумные, садятся они на трупы и на умирающих, чтобы разделить их печальную судьбу. Никто не может вообразить, как велико их безумие, если он не видел лавки кондитера, осажженной мириадами голодных пчел. Я видел тысячи пчел, вытасненных из сиропа, где они утонули; я видел, как тысячи садились на кипящий сахар; почва была покрыта и окна затемнены пчелами; одни тащились, другие летали, а некоторые были так вымазаны, что не могли ни летать, ни ползать; даже одна из десяти не в состоянии была отнести домой плохо приобретенную добычу, а между тем воздух был полон легионами вновь прибывающих и таких же безумных».

Это не лучшее доказательство, чем было бы доказательством для желавшего определить границы нашего разума сверхчеловека зрелище опустошений алкоголизма или поля битвы. Быть может, еще меньше. Положение пчелы в этом мире странно, если его сравнить с нашим. Она явилась в мир с тем, чтобы жить среди природы, безразличной и бессознательной, а не рядом с необыкновенным существом, которое переворачивает около нее самые постоянные законы и создает грандиозные и непостижимые явления. В естественном порядке, в монотонном существовании родимого леса опьянение, описанное Лангстротом, было бы возможно только тогда, если бы по какой-нибудь случайности разбился улей, полный меда. Но и тогда там не было бы ни смертельно опасных окон, ни кипящего сахара, ни слишком густого сиропа,

а следовательно, не было бы мертвых и никаких других опасностей, кроме тех, которым подвергается всякое животное, преследуя свою добычу.

Лучше ли сохранили бы мы наше хладнокровие, если бы какая-нибудь могущественная и необыкновенная власть на каждом шагу искушала наш разум? Нам поэтому очень трудно судить пчел, которых мы сами делаем безумными и разум которых не был вооружен, чтобы обнаруживать наши козни, точно так же, как и наш разум не вооружен, по-видимому, достаточно, чтобы разрушать козни высшего существа, в настоящее время неизвестного, но тем не менее возможного. Не зная ничего, что господствовало бы над нами, мы отсюда заключаем, что мы занимаем вершину жизни на нашей земле; но, в конце концов, это совсем не неоспоримо. Я не требую, чтобы мне верили, что, когда мы делаем беспорядочные или дрянные поступки, это происходит потому, что мы попали в сети высшего гения, но нет ничего невероятного, что это может когда-нибудь показаться верным. С другой стороны, неразумно утверждать, что пчелы лишены разума, потому что они еще не научились отличать нас от большой обезьяны или медведя и относятся к нам так же, как они относились бы к этим простодушным обитателям первобытного леса. Несомненно, что в нас и вокруг нас имеются влияния и силы, столь же различные, которые мы различаем не больше.

Наконец, чтобы закончить эту апологию, где я немного поддаюсь пристрастию, в котором я упрекал сэра Джона Леббока, – скажу еще – не нужно ли быть разумным, чтобы быть способным к таким крупным безумиям? Так всегда бывает в этой неверной области разума, который является самым непрочным, самым колеблющимся состоянием материи. В том же свете, которым является разум, есть еще страсть, и нельзя сказать достоверно, что она такое – дым или светильня пламени. А здесь страсть пчел достаточно благородна, чтобы извинить колебание их разума. На эту неосторожность их толкает не животное рвение наесться до отвала медом. Они могли бы сделать это на свободе в кладовых своего жилища. Наблюдайте их, следуйте за ними в аналогичных обстоятельствах, и вы увидите, как они, наполнивши зоб, немедленно возвращаются в улей, чтобы сложить там свою добычу, чтобы в течение одного часа тридцать раз посетить чудесную жатву и снова возвратиться. Это указывает на то же самое желание, которое совершает столько удивительных дел: на рвение принести наибольшее количество благ, им доступных, в дом их сестер и будущего. Когда безумия людей имеют причиной столь же бескорыстные побуждения, мы часто даем им другое название.

VI

Однако нужно сказать всю истину. Среди чудес их искусства, их благоустройства, их самоотречения нас всегда будет поражать одна вещь и удерживать наше восхищение – это их безразличие к смерти и несчастьям их товарищей. В характере пчелы есть очень странное раздвоение. В недрах улья все любят друг друга и помогают один другому. Они так же соединены, как хорошие мысли одной и той же души. Если вы раните одну из них, тысячи принесут себя в жертву, чтобы отомстить за обиду. Вне улья они больше не знают друг друга. Изувечьте, раздавите – или лучше не делайте ничего подобного, это было бы бесполезной жестокостью, потому что факт несомненен, – но предположим, что вы бы изувечили, раздавили на соте, расположенном в нескольких шагах от их жилища, десять, двадцать или тридцать пчел, вышедших из одного улья, – те, которых вы не тронете, не повернут головы и будут продолжать черпать своим языком, фантастическим, как китайское оружие, жидкость, которая им драгоценнее жизни, оставаясь безучастными к агониям, задевающим их своими последними движениями, и к воплям отчаяния, раздающимся вокруг них. А когда сот будет уже пуст, пчелы, чтобы ничего не потерять, спокойно взберутся на мертвых и раненых и соберут мед, прилипший к жертвам, не трогаясь присутствием мертвых и не думая о помощи раненым. Значит, они в этом случае не имеют ни понятия об опасности, которой они подвергаются, потому что смерть, распро-

страняющаяся вокруг них, не беспокоит их, ни малейшего чувства солидарности или жалости. Что касается опасности, это объясняется тем, что пчела не знает боязни и ничто в мире ее не пугает, кроме дыма. По выходе из улья она вместе с лазурью вдыхает кротость и смирение. Она отстраняется от того, кто ее беспокоит, она делает вид, что не замечает тех, кто ее не слишком теснит. Можно подумать, что она сознает себя во вселенной, которая принадлежит всем, где каждый имеет право на свое место и где подобает быть скромным и миролюбивым. Но под этою снисходительностью мирно прячется сердце, до того уверенное в самом себе, что оно и не думает заявлять о своей личности. Если кто-нибудь ей угрожает, она делает крюк, но никогда не обращается в бегство. С другой стороны, в улье она не ограничивается этим пассивным игнорированием опасности. Пчелы с неслыханною запальчивостью набрасываются на всякое живое существо: муравья, льва или человека, который осмелится прикоснуться к священному киоту. Назовем это, смотря по направлению нашего ума, гневом, бессмысленным остервенением или героизмом.

Но ничего нельзя возразить ни против недостатка солидарности пчел вне улья, ни даже против их взаимной симпатии в самом улье. Нужно ли думать, что существуют такие непредвиденные границы для разума всякого рода и что маленькое пламя, которое с трудом исходит из мозга, вследствие трудной воспламеняемости такой массы косной материи, всегда так неверно, что оно может лучше осветить только одну точку в ущерб многим другим? Можно думать, что пчела или природа в пчеле организовала более совершенным образом, чем во всяком другом месте, труд в сообществе, культ и любовь к будущему. Не по этой ли причине пчелы теряют из виду все остальное? Они любят впереди себя, а мы особенно любим вокруг себя. Может быть, достаточно любить здесь, чтобы уже не хватало любви для затраты там. Нет ничего изменчивее направления милосердия или жалости. Мы сами некогда были бы меньше шокированы, чем в настоящее время, этою бесчувственностью пчел, и многие люди древности и не подумали бы упрекать их в ней. Наконец, можем ли мы предвидеть все, чем было бы в нас удивлено существо, которое наблюдало бы нас так, как мы наблюдаем пчел?

VII

Чтобы составить себе более ясное понятие о разуме пчел, нам остается еще исследовать, каким образом они сообщаются друг с другом. Очевидно, что они понимают одна другую, и очевидно также, что столь многочисленная республика, с такими разнообразными, так чудесно согласованными работами, не могла бы существовать в молчании и умственной обособленности стольких тысяч существ. Они, значит, должны иметь способность выражать свои мысли или свои чувства при посредстве или звукового словаря, или же, что более вероятно, с помощью некоторого осязательного языка или магнетической интуиции, которая соответствует, может быть, чувствам или свойствам материи, нам совершенно неизвестным, – интуиции, местопребывание которой находится, может быть, в этих таинственных шупальцах, осязающих и понимающих тьму и состоящих, по вычислениям Чешайра, у работниц из двенадцати тысяч осязательных ворсинок и пяти тысяч обонятельных ямок. Способ, которым распространяется в улье какая-нибудь новость, добрая или дурная, привычная или сверхъестественная, показывает, что пчелы понимают друг друга не только относительно их обычных работ, но что и необыкновенное также находит имя и место в их языке: потеря или возвращение матки, падение сота, вторжение неприятеля, проникновение чужой царицы, приближение отряда грабителей, открытие сокровища и т. д. – каждое из этих событий вызывает столь различное положение и говор пчел, и они так характерны, что опытный пчеловод довольно легко угадывает, что происходит там, в тени, во взволнованной толпе.

Если вы хотите иметь более точное доказательство, понаблюдайте пчелу, которая найдет несколько капель меда, разлитых на подоконнике вашего окна или на углу вашего стола. Сна-

чала она так жадно начнет насыщаться, что вы совершенно свободно сможете отметить маленьким пятном краски ее щиток, не опасаясь оторвать ее от занятия. Но эта жадность только кажущаяся. Этот мед не проходит собственно в желудок или в то, что нужно было бы назвать ее личным желудком, – он остается в зобу, в первом желудке, который является, если можно так выразиться, «желудком общежития». Как только этот резервуар наполнен, пчела удалится, но не прямо и не легкомысленно, как сделала бы бабочка или муха. Наоборот, вы увидите, что она несколько мгновений летит, пятясь назад, внимательно облетает нишу вашего окна или вокруг вашего стола, с лицом, обращенным к вашей комнате. Она изучает место и утверждает в своей памяти точное положение сокровища. Затем она возвращается в улей, выкладывает там свою добычу в одну из ячеек амбаров, чтобы через три или четыре минуты возвратиться и забрать новый запас на ниспосланном Провидением подоконнике. Через каждые пять минут, до тех пор пока будет мед, до самого вечера, если нужно, пчела непрерывно и без отдыха будет совершать правильные путешествия от окна к улью и от улья к окну.

VIII

Я не хочу украшать истину, как делали многие, писавшие о пчелах. Наблюдения подобного рода только тогда представляют некоторый интерес, когда они совершенно правдивы. Если бы я нашел, что пчелы не способны дать себе отчет во внешнем событии, то мне кажется, что, ввиду этого маленького разочарования, мне доставило бы некоторое удовольствие констатировать лишний раз, что человек является единственным действительно разумным существом на земном шаре. И потом, дойдя в жизни до известной полосы, начинаешь испытывать больше радости, говоря справедливые вещи, чем поразительные. Здесь, как и во всех других обстоятельствах, надлежит держаться следующего положения: если совершенно голая истина кажется в настоящую минуту менее великой, менее благородной и менее интересной, чем вымышленное украшение ее, то виноваты в этом мы сами, так как мы еще не умеем различить, какое она должна иметь отношение – всегда удивительное – к нашему существу, все еще неизвестному, и к законам вселенной; и в этом случае не истина должна быть увеличена и облагорожена, а наш разум.

Признаюсь поэтому, что отмеченные пчелы часто возвращаются одни. Нужно думать, что у них существуют те же различия характеров, как и у людей, что между ними встречаются одни молчаливые, другие болтливые. Кто-то из присутствовавших на моих опытах утверждал, что многие пчелы, очевидно из эгоизма или тщеславия, не любили открывать источник своих богатств или не хотели разделить с кем-нибудь из своих подруг славу труда, который должен быть признан в улье поразительным. Вот довольно противные пороки, не имеющие того хорошего, честного свежего духа, который свойственен дому тысячи сестер. Как бы то ни было, но часто случается также, что пчела, которой улыбнулась судьба, возвращается к меду в сопровождении двух или трех сотрудниц. Я знаю, что сэр Джон Леббок в приложении к своему труду «*Ants, Bees and Wasps*» составил длинные и точные таблицы наблюдений, из которых можно заключить, что почти никогда другая пчела не следует за указчицей. Мне неизвестно, с каким видом пчел имел дело ученый натуралист, или не были ли обстоятельства особенно неблагоприятными. Что касается меня, то, обращаясь к своим собственным таблицам, тщательно составленным, после того как были приняты всевозможные предосторожности, чтобы пчелы не были привлечены непосредственно запахом меда, я вижу по ним, что в среднем четыре раза из десяти пчела приводила других.

Мне даже раз пришлось встретить необыкновенную маленькую итальянскую пчелу, щиток которой я отметил пятном голубой краски. Со второго своего путешествия она явилась с двумя из своих сестер. Я пленил последних, не беспокоя первой. Она улетела, потом возвратилась с тремя сообщницами, которых я тоже поймал, и так продолжалось до послеполудня,

когда, сосчитав своих пленниц, я констатировал, что она сообщила новость восемнадцати пчелам.

В общем, если вы произведете те же опыты, вы убедитесь, что, если сообщение и не совершается регулярно, то оно, во всяком случае, делается часто. Эта способность так известна охотникам за пчелами в Америке, что они ею пользуются, когда бывает нужно открыть пчелиное гнездо. «Они выбирают, – говорит М. Josiah Emery (цитированный Romanes'ом в «Intelligence des animaux», т. I, стр. 117), – для начала своих действий поле или лес, далеко отстоящий от всякой прирученной колонии пчел. Прибывши на место, они намечают несколько пчел, собирающих добычу на цветах; ловят их, заключают в коробку с медом и, когда те насытятся, выпускают их. Затем следует некоторое ожидание, продолжительность которого зависит от расстояния, на котором находится дерево с пчелами; наконец, при известном терпении, охотник, в конце концов, всегда замечает своих пчел, которые возвращаются в сопровождении нескольких подруг. Он по-прежнему ловит их, доставляет им угощение и выпускает каждую в особом месте, стараясь заметить, какое они берут направление; точка, куда, по-видимому, сходятся все направления, обозначает ему приблизительно положение гнезда».

IX

Вы заметите также в ваших опытах, что подруги, которые, по-видимому, повинуются условному знаку, указывающему удачу, не всегда прилетают вместе и что часто между отдельными прилетами бывает промежуток в несколько секунд. Следовательно, по поводу этих сообщений нужно себе поставить вопрос, разрешенный сэром Джоном Леббоком относительно муравьев.

Как прилетают к сокровищу, открытому первой пчелой, ее подруги? Летят ли они только за первой, или они могут быть посланы ею и найти его сами, следуя ее указаниям и сделанному ею описанию местности? Здесь, понятно, есть огромная разница в смысле объема разума и его работы. Ученый англичанин, с помощью сложного и остроумного аппарата из проходов, коридоров, наполненных водою рвов и переносных мостов, мог установить, что в этом случае муравьи просто шли по следам вожакого насекомого. Эти опыты возможны с муравьями, которых можно заставить проходить там, где это нужно, но для пчелы, имеющей крылья, открыты все пути. Значит, нужно было бы придумать какое-нибудь другое средство. Вот одно, которым я пользовался, и, хотя оно не дало мне положительных результатов, я думаю, что, если бы опыт был лучше организован и производился при более благоприятных обстоятельствах, он мог бы дать достаточно удовлетворительные ответы на вопросы.

Мой рабочий кабинет в деревне находится в верхнем этаже над довольно высоким нижним этажом. Кроме времени, когда цветут липы и каштаны, пчелы так мало привыкли летать на этой высоте, что в течение целой недели перед опытом на столе был оставлен медовый сот с открытыми ячейками, и ни одна пчела не была привлечена его запахом и не навестила его. Тогда я взял в стеклянном улье, помещенном недалеко от дома, итальянскую пчелу. Я отнес ее в свой кабинет, положил ее на сот и отметил ее, пока она угощалась.

Насытившись, она улетела, возвратилась в улей; последовавши за нею, я видел, как она торопливо шла по поверхности толпы, опустила голову в одну ячейку, выложила мед и собралась уходить. Я ее сторожил и схватил ее, когда она появилась у летка. Я повторил этот опыт двадцать раз подряд, всегда с различными субъектами и устраняя каждый раз «приманенную» пчелу, для того, чтобы другие не могли лететь за нею по следу. Чтобы удобнее было это делать, я поместил у двери улья стеклянный ящик, разделенный подвижной перегородкой на два отделения. Если отмеченная пчела выходила одна, я ее просто брал в заключение, как я делал с первой, и отправлялся в свой кабинет ждать прибытия сборщиц, которым пчела могла сообщить новость. Если она выходила в сопровождении одной или двух других пчел, я удерживал

ее пленницей в первом отделении ящика, отделяя ее таким образом от ее подруг; последних я отмечал другою краскою и затем, освободивши их, следил за ними глазами. Очевидно, что, если бы им было сделано какое-нибудь сообщение, устное или магнетическое, в котором было бы дано описание местности, способ ориентироваться и т. д., то я должен был бы найти в своем кабинете известное число этих пчел, таким образом осведомленных. Я должен признаться, что видел прилетевшей только одну пчелу. Следовала ли она указаниям, полученным в улье, или это была чистая случайность? Наблюдение было недостаточно, но обстоятельства не позволяли мне его продолжить. Я освободил моих «приманенных» пчел, и скоро мой рабочий кабинет был наводнен жужжащей толпой, которой они сообщили своим привычным способом дорогу к сокровищу⁷.

Х

Ничего не заключая из этого несовершенного опыта, мы, на основании многих других любопытных черт, вынуждены допустить, что пчелы имеют между собою духовное общение, которое значительно превышает размеры простого «да» или «нет», или те элементарные отношения, которые определяются жестом или примером. Между прочим можно было бы указать на движущую работу улья гармонию, на удивительное разделение обязанностей и правильный круговорот, который там наблюдается. Например, я часто замечал, что сборщицы, которых я отметил утром, после полудня, если только не было слишком большого изобилия цветов, занимались согреванием и вентиляцией выводкового сота; или же я находил их в толпе, образующей эти таинственные усыпленные цепи, среди которых работают пчелы, выделяющие воск, и скульпторши. Я наблюдал также, что работницы, которых я видел собирающими цветочную пыль в течение одного или двух дней, не собирали его потом и выходили исключительно на поиски медового сока, и наоборот.

Можно бы еще указать относительно разделения труда на то, что знаменитый французский пчеловод Жорж де Лайенс называет *распределением пчел на медоносных растениях*. «Каждый день с самого восхода солнца, как только возвратятся разведчицы зари, пробуждающийся улей узнает добрые вести земли: «Сегодня цветут липы, окаймляющие канал; белый клевер распустился в траве у дорог, дятлина сладкая и шалфей луговой скоро раскроются; лилии и резеда истекают пылью». Живо! – надо организовать, принять меры, распределить обязанности. Пять тысяч самых сильных отправляется к липам; три тысячи самых молодых займутся белым клевером. Вот эти вчера высасывали сок венчиков; сегодня, чтобы дать отдохнуть их языку и железкам зоба, они пойдут собирать красную пыль резеды, а те – желтую пыль больших лилий, – вы никогда не увидите, чтобы пчела собирала или смешивала цветочную пыль разного цвета или разного рода, и методическая сортировка в кладовых прекрасной ароматной муки, по оттенкам и происхождению, составляет одну из крупных задач улья. Так распределяются повеления скрытым гением. Тотчас же работницы выходят длинными черными рядами, и каждая из них направляется прямо к своему делу». Кажется, говорит де Лайенс, что пчелы отлично осведомлены относительно местности, сравнительного богатства медом и расстояния всех растений в известном районе вокруг улья.

«Если тщательно отмечать различные направления, принимаемые сборщицами, и если пойти подробно наблюдать, как производят пчелы сбор на окружающих растениях, то можно заметить, что работницы распределяются по цветам пропорционально, одновременно и коли-

⁷ Я возобновил опыт с первыми солнечными днями этой неблагоприятной весны. Он дал мне тот же отрицательный результат. С другой стороны, один пчеловод из моих друзей, очень ловкий и очень искренний наблюдатель, которому я предложил эту задачу, писал мне, что он получил, пользуясь теми же приемами, четыре неопровержимых сообщения. Факт требует проверки, и вопрос не решен. Но я убежден, что мой друг позволил ввести себя в заблуждение своим – очень естественным – желанием видеть опыт удавшимся.

честву растений одного рода, и их медвяным богатствам. Даже больше: они каждый день определяют качество лучшей сахаристой жидкости, которую они могут найти.

Если, например весной, после цветения ив, в период, когда в полях еще ничто не цветет, у пчел нет никаких других источников, кроме лесных цветов, то они деятельно посещают анемоны, медуницы, золотухворост и фиалки. Если несколько дней позже зацветут в довольно большом количестве поля капусты или сурепицы, то можно заметить, как пчелы почти совершенно покинут лесные растения, находящиеся еще в полном цвету, дабы посвятить себя посещениям капусты или сурепицы.

Каждый день они, таким образом, регулируют свое распределение по растениям, чтобы собрать наилучшую сахаристую жидкость в возможно наименьшее время.

Следовательно, можно сказать, что колония пчел в своих трудах по сбору жатвы, точно так же как и внутри улья, умеет установить рациональное распределение числа работниц, применяя все тот же принцип разделения труда».

XI

Но, возразят нам, – что нам до того, в какой степени разумны пчелы? Почему так тщательно взвешивать ничтожный след материи, почти невидимой, как если бы дело шло о жидкости, от которой зависели бы судьбы человека? Ничего не преувеличивая, я думаю, что это имеет для нас очень значительный интерес. Находя вне нас действительный признак разумности, мы испытываем волнение, вроде того, какое испытал Робинзон, открывши след человеческой ноги на песчаном берегу своего острова. Нам тогда кажется, что мы менее одиноки, чем думали. Когда мы стараемся дать себе отчет в разумности пчел, мы, в конце концов, изучаем самую драгоценную часть нашей сущности; это – атом той необыкновенной материи, которая везде, где только она присоединится, имеет чудесное свойство преобразовывать слепые потребности, организовать, украшать и умножать жизнь, удерживать более действительным образом упорную силу смерти и великое необузданное течение, которое несет все существующее в вечной бессознательности.

Если бы только мы одни обладали и поддерживали частицу материи в этом особенном состоянии цветения или воспламенения, которое мы называем разумом, мы имели бы некоторое право считать себя привилегированными, воображать, что в нас природа достигла некоторой цели; но, вот, пред нами целая категория перепончатокрылых существ, в которой природа достигает приблизительно тождественной цели. Если угодно, это ничего не решает, но тем не менее этот факт занимает почетное место среди массы мелких фактов, способствующих выяснению нашего положения здесь, на земле. Тут находится, с известной точки зрения, новое поле для исследования самой неразгаданной части нашего существа; здесь мы наблюдаем взаимоотношение судеб с более возвышенного пункта, чем все те положения, которые мы можем занять для созерцания судеб человека. Здесь в уменьшенном виде имеются великие и простые черты, которых мы никогда не имеем случая ни разобрать, ни проследить до конца в нашей чрезмерно обширной области. Здесь дух и материя, род и индивид, развитие и неизменяемость, прошедшее и будущее, жизнь и смерть – все собрано в одном убежище, которое может быть поднято нашей рукой и окинуто одним взглядом; и можно себя спросить, изменяется ли так значительно, как мы думаем, скрытая идея природы в зависимости от величины тел и места, которое они занимают во времени и пространстве; идея, которую мы пытаемся уловить в маленькой истории улья, имеющей веку всего несколько дней, совершенно подобна идее, обнаруживающейся и в великой истории людей, три поколения которых уже превышают во времени столетие.

ХII

Возвратимся же к истории нашего улья, где мы его оставили, и отодвинем, насколько возможно, одну из складок завесы из гирлянд, среди которых рой начинает испытывать это странное выделение пота, почти белоснежного и более легкого, чем пух крыла. Дело в том, что рождающийся здесь воск не похож на тот, который все мы знаем; он незапятнан, невесом, он поистине кажется душою меда, который, в свою очередь, составляет душу цветов; вызванный в неподвижном заклипании, он позже, в наших руках, вероятно, в воспоминание его происхождения, в котором столько лазури, ароматов, кристаллизованного пространства, сгущенных лучей, чистоты и великолепия, становится благоухающим светом наших последних алтарей.

ХIII

Чрезвычайно трудно проследить различные фазы выделения и употребления воска в рое, который начинает строиться. Все происходит в глубине толпы, все большее и большее скопление которой должно произвести температуру, благоприятную для этого выделения, являющегося привилегией самых молодых пчел. Губер, который первый изучал их с невероятным терпением и иногда ценою серьезных опасностей, посвящает этому явлению более двухсот пятидесяти интересных, но, по необходимости, неясных страниц. Что касается меня, то я ограничусь (так как не пишу технической работы) тем, что сообщу то, что может наблюдать всякий, кто соберет рой в стеклянный улей, а в случае надобности обращусь за помощью к тому, что так хорошо подметил Губер.

Сначала признаемся, что еще неизвестно, с помощью какой алхимии мед превращается в воск в подвешенных и полных загадок телах наших пчел. Можно только констатировать, что после ожидания, продолжающегося от восемнадцати до двадцати четырех часов, в такой повышенной температуре, что можно подумать, будто внутри улья тлеет пламя, у выхода четырех маленьких мешочков, расположенных с каждой стороны брюшка пчелы, появляются белые прозрачные чешуйки.

Когда большая часть пчел, составляющих подвешенный конус, будут иметь на своем брюшке эти галуны из пластинок, подобных слоновой кости, одна из пчел вдруг, как бы под влиянием внезапного вдохновения, отделяется от толпы, быстро карабкается вдоль неподвижной массы до внутренней вершины купола, где она прочно укрепляется, отодвигая ударами головы соседок, которые стесняют ее движения. Потом она схватывает лапами и ртом одну из восьми пластинок на своем брюхе, обгрызает ее, строгает, делает ее тягучей, месит ее в своей слюне, складывает и расправляет ее, мнет и опять формирует с ловкостью плотника, который обращался бы с тягучей массой. Наконец, когда размягченное вещество кажется ей достигшим желанных размеров и плотности, она прикрепляет его к вершине купола, утверждая таким образом первый или, вернее, замочный камень свода нового города, потому что здесь идет речь о городе навыворот – городе, который спускается с неба, а не подымается из недр земли, подобно человеческому городу.

Когда это сделано, она приделывает к этому замочному камню, висящему в пустоте, другие обломки воска, который она постепенно берет под своими роговыми кольцами; она дает всему этому еще последний удар языком, последний удар щупальцами; потом, так же внезапно как она пришла, удаляется и теряется в толпе.

Немедленно заменяет ее другая, берется за работу там, где она была оставлена, прибавляет к ней свою, поправляет то, что кажется ей не соответствующим мысленному плану народа, исчезает в свою очередь, в то время как третья, четвертая, пятая следуют за ней в целом ряде

вдохновенных и внезапных явлений, ни одна не оканчивая работы, все внося свою долю в еди-
нодушный труд.

XIV

Тогда с вершины свода свешивается маленькая, еще бесформенная, глыба воска. Когда она покажется достаточной величины, из висящей грозди пчел выделяется одна, вид которой значительно отличается от вида основательниц, предшествовавших ей. Глядя на ее уверенную решимость и ожидание окружающих, можно подумать, что это какой-то вдохновенный инженер, который вдруг обозначает в пустоте место, которое должна занять первая ячейка, в математической связи с которой будут находиться все остальные ячейки. Во всяком случае эта пчела принадлежит к классу работниц-взятельниц или резчиц, которые не производят воска и довольствуются обработкой доставляемых им материалов. Итак, она выбирает место первой ячейки, роет одно мгновение глыбу, откладывая к краям воск, вынутый со дна. Потом она так же, как делали основательницы, вдруг оставляет намеченную работу; другая нетерпеливая работница заменяет ее и продолжает ее работу, которую кончит третья, в то время как другие начинают вокруг них обработку оставшейся поверхности и противоположной стороны восковой перегородки, следуя тому же методу прерывной и последовательной работы. Можно подумать, что существенный закон улья разделяет между всеми гордость совершаемым делом и что каждый труд должен там быть общим и безыменным, для того чтобы он был более братским.

XV

Скоро можно уже угадать зарождающийся сот. Он еще имеет чечевицеобразную форму; составляющие его маленькие призматические трубки неодинаково продолжены и постепенно, и правильно укорачиваются от центра к краям. В это время он имеет приблизительный вид и толщину человеческого языка и состоит с обеих сторон из шестиугольных ячеек, смежных между собою и соприкасающихся своими основаниями.

Как только построены первые ячейки, основательницы утверждают на своде вторую, потом постепенно третью и четвертую глыбы воска. Эти глыбы идут уступами, через правильные промежутки, рассчитанные таким образом, что когда соты достигнут полного развития, – что случится только гораздо позже, – пчелам все-таки будет оставаться достаточно места для движения между параллельными стенками.

Необходимо, значит, чтобы в своем плане они предвидели окончательную толщину каждого сота, которая бывает около двадцати двух или двадцати трех миллиметров, и в то же время ширину разделяющих их улиц, которые должны иметь около одиннадцати миллиметров, то есть вдвое больше высоты пчелы, так как пчелам придется проходить между сотами спиной к спине.

Но, в сущности, пчелы не непогрешимы, и их уверенность не имеет машинального характера. В трудных обстоятельствах они иногда совершают довольно крупные ошибки. Пространство между сотами часто бывает слишком велико или слишком мало. Тогда они исправляют это по возможности лучше, или отклоняя слишком сближенные соты, или вставляя в слишком большой промежуток неправильный сот. «Им случается иногда ошибаться, – говорит по этому поводу Реомюр, – и это – еще один из фактов, которые, по-видимому, доказывают, что они рассуждают».

XVI

Известно, что пчелы строят четыре рода ячеек. Во-первых, царские ячейки, которые имеют исключительную форму и похожи на дубовый желудь; потом большие ячейки, предназначенные для воспитания трутней и склада провизии в момент полного изобилия цветов; затем маленькие – ячейки, которые служат колыбелями работниц и обыкновенными складами и, нормально, занимают приблизительно восемь десятых выстроенной поверхности улья; наконец, чтобы связать, не нарушая порядка, большие ячейки с малыми, пчелы строят известное число переходных ячеек. Не считая неизбежной неправильности этих последних, размеры второго и третьего типов так хорошо рассчитаны, что в то время, когда устанавливалась десятичная система, когда искали в природе постоянную меру, которая могла бы служить точкой отправления и нормальной, неоспоримой единицей меры, – Реомюр предложил ячейку пчелы⁸.

Каждая из этих ячеек представляет шестигранную призму с пирамидальным основанием, и каждый сот образован из двух слоев призматических трубок, сопоставленных основаниями таким образом, что каждый из трех ромбов, составляющих пирамидальное основание ячейки одной поверхности, входит в то же время также в пирамидальное основание трех ячеек противоположной стороны.

В этих призматических трубках и складывается мед. Чтобы избежать вытекания меда в период его созревания, что случилось бы непременно, если бы ячейки были точно горизонтальны, как это кажется, пчелы слегка их приподымают под углом в четыре или пять градусов.

«Кроме сбережения воска, – говорит Реомюр, рассматривая в общем эту удивительную постройку, – кроме сбережения воска, достигаемого расположением ячеек, кроме того, что, благодаря этому устройству, пчелы наполняют сот без того, чтобы оставалась какая-нибудь пустота, оно имеет еще преимущества в отношении прочности постройки. Угол основания каждой ячейки, вершина пирамидального углубления, подпирается ребром, образующимся двумя плоскостями шестигранника другой ячейки. Два треугольника, или продолжения плоскостей шестигранника, заполняющие один из входящих углов полости, заключенной между тремя ромбами, образуют между собой соприкасающимися сторонами двугранный угол; каждый из этих углов, открывающийся своею вогнутою поверхностью внутрь ячейки, поддерживает со стороны своей выпуклости одну из пластинок, составляющих шестигранник другой ячейки; пластинка, опирающаяся на этот угол, сопротивляется силе, которая стремилась бы оттеснить их снаружи; таким образом углы взаимно укрепляются. Все преимущества, которых можно требовать относительно прочности каждой ячейки, даются ей ее собственной формой и способом расположения каждой относительно другой».

XVII

«Геометры знают, – говорит d-r Reid, – что есть только три рода фигур, которые могут быть приняты для разделения поверхности на маленькие подобные пространства, правильной формы, одинаковой величины и без промежутков.

Это – равносторонний треугольник, квадрат и правильный шестиугольник, который в том, что касается постройки ячеек, превосходит обе другие фигуры с точки зрения удобства и

⁸ Эта единица, не без основания, была отвергнута. Диаметр ячеек необыкновенной правильности, но, подобно всему, произведенному живым организмом, он не *математически* неизменен в одном и том же улье. Кроме того, как замечает Морис Жирар, различные виды пчел имеют различную апофему ячейки, так что единица меры различалась бы от одного улья к другому, смотря по находящемуся в нем виду пчел.

прочности. И пчелы приняли именно шестиугольную форму, как будто они знали ее преимущества.

Точно так же основание ячеек образуется из трех плоскостей, сходящихся в одной точке, и было доказано, что эта система постройки позволяет сделать значительное сбережение труда и материалов. Вопрос был еще в том, чтобы узнать, какой угол наклона плоскостей соответствует наибольшей экономии; это – задача математики, которая была решена несколькими учеными, между прочим, Маклорэном, решение которого можно найти в отчете Королевского общества в Лондоне⁹.

Угол, определенный таким образом вычислением, соответствует тому, который измеряется в основании ячейки».

XVIII

Конечно, я не думаю, чтобы пчелы занимались этими сложными вычислениями, но тем более я не допускаю, чтобы случай или одна сила вещей производили эти удивительные вещи. Так, например, для ос, которые строят, подобно пчелам, соты с шестигранными ячейками, представлялась та же задача, и они разрешили ее гораздо менее остроумным образом. В их сотах только один слой ячеек, и у них нет общего основания, которое служит одновременно двум противоположным слоям пчелиного сота. Отсюда – меньше прочности, больше неправильности и такая потеря времени, материала и пространства, которую можно считать в четверть необходимого усилия и треть пространства. Подобным же образом Trigons и Melipones, которые являются настоящими домашними пчелами, но более отсталой цивилизации, строят свои выводковые ячейки только в один ряд, а их горизонтальные соты, расположенные одни над другими, опираются на бесформенные и убыточные восковые колонны. Что касается их ячеек для запасов, то это – беспорядочное скопление больших мешковидных ячеек, и там, где они могли бы пересекаться так, что можно было бы сэкономить материал и пространство, чем пользуются пчелы Melipones, они, не догадываясь об этой возможной экономии, неуклюже втискивают между сферическими ячейками ячейки с плоскими стенками. Поэтому, если сравнить одно из их гнезд с математически правильным городом наших пчел, то можно подумать, что видишь поселок из первобытных хижин рядом с одним из тех неуклюже правильных городов, которые являются результатами, может быть лишенными грации, но логическими, человеческого гения, борющегося более ревностно, чем некогда с временем, пространством и материей.

⁹ Реомюр предложил знаменитому математику Кэнигу следующую задачу: «Между всеми шестигранными ячейками с пирамидальным основанием, образованным тремя подобными и равными ромбами, определить ту, которая может быть построена с наименьшим количеством материала», – Кэниг нашел, что такая ячейка имела основание, образованное тремя ромбами, у которых каждый тупой угол имел 109 градусов 26 минут, а каждый острый – 70 градусов 34 минуты. Другой ученый, Маральди, измеривши наиточнейшим образом углы ромбов, построенных пчелами, определил тупой в 109 градусов 28 минут, а острый – в 70 градусов 32 минуты. Значит, между двумя решениями оказалась разница только в 2 минуты. Вероятно, если имеется ошибка, то ее нужно приписать Маральди скорее, чем пчелам, потому что ни один инструмент не позволяет измерить с непогрешимой точностью углы ячеек, которые недостаточно резко обозначены. Другой математик, Крамер, которому предложили ту же самую задачу, дал, между прочим, решение, еще больше приближающееся к решению пчел, а именно – 109 градусов 28¹/₂ минуты для тупых и 70 градусов 31¹/₂ минуты для острых углов. Маклорэн, поправляя Кэнига, дает 70 градусов и 32 минуты и 109 градусов 28 минут; Леон Лаланн – 109 градусов 28 минут 16 секунд и 70 градусов 31 минуту 44 секунды. См. по поводу этого спорного вопроса: Maclaurin. Philos. Trans. Of London. 1743. Brongham. Rech, anal et exper. sur les alv. des. ab. L. Lalanne, Note sur l'arch. des abeilles, etc.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.